

Д.А. АНТОНОВ

ЗАВЕЩАНИЕ

”КОНЧАЙТЕ Б... ИГРУ!”

Владимиру Малиновскому -
от автора с искренним уважением
Ваш А.Б. (Д. Бродя-Тренер)

Д.А. АНТОНОВ

**З А В Е Щ А Н И Е:
"КОНЧАЙТЕ Б... ИГРУ!"**

Чеховград, 1990

ISBN 3-926492-23-6 Д.А. АНТОНОВ — "ЗАВЕЩАНИЕ",
повесть, 80 стр., издательство "Чеховград", 1990г.
Все права (копирайт) принадлежат автору. Цена 10 н.м.

"ЗАВЕЩАНИЕ: КОНЧАЙТЕ Б... ИГРУ" — последняя,
заключительная повесть из серии книг, посвященных пробле-
мам перестройки и гласности ("Сегодня Чернобыль", "Аген-
ты и перестройка", "Память", "Возвращение", "Надежда",
"Измятина"). Заказы принимаются во всех книжных мага-
зинах и по адресу:

Dr. Broide · Rückmühlenweg 2 · D-6483 Bad Soden-Salmünster
West Germany

ISBN 3-926492-23-6

D. A. ANTONOV

„TESTAMENT“

Copyright © 1990 by the author

Tschechowgrad-Verlag, BR Deutschland

Für die Bestellung der Bücher wenden Sie sich bitte an:
Dr. Broide · Rückmühlenweg 2 · D-6483 Bad Soden-Salmünster
West Germany

Druck: Wickert-Druck · 6483 Bad Soden-Salmünster · ☎ (0 60 56) 33 36

” ... нас возвышающий обман...”

А. Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Лев Николаевич дочитал до конца дневник и Завещание своего сына, со вздохом отложил эту черную ”общую” тетрадь. Налил себе красного вина, раскурил трубку... Господи, как же мне после этого жить на свете? И на какого черта помчался в Западный Берлин, ”просвещать” немцев?! Сидеть бы мне в Москве — и сын бы не погиб, и жена бы с внучкой вернулась из эмиграции! А теперь вот, если сумасшедшая Татьяна опубликует проклятое ”Завещание” в США, то никогда уж не пустят нас в Россию! Околевать придется на свободе, черт подери...

Он рванул ворот рубахи, подбежал к окну, распахнул его. Немцы, празднично одетые, шествовали к церкви. Звонили колокола... Мда, празднуют воссоединение, освобождение от коммунизма. Война для них кончилась... А нам, видать, долго еще гнить в ленинском раю, Господи...

Жена тихонько вошла в кабинет, нежно поцеловала: — Христос воскрес, родной мой! Внучата заснули, благодать...

Лев Николаевич вздрогнул от неожиданности, постарался улыбнуться: — Воистину воскрес, говоришь? А что же с нами теперь будет? — он кивнул на черную тетрадь, украдкой смахнул слезы. — Сынок наш растрезвонил на весь мир о моей ”большой игре” с чекистами! А кто его за язык тянул?! Хорошо ему с Того Света поучать всех: ”Кончайте блядскую игру”, прости за выражение... И тебя упрекает за ”игру” с Коммунарком Иваньчем, и бабушку свою разоблачает... Сыну — в раю прохлаждаться, а нам — на земле — и дальше с Антихристом воевать! Я никакого греха не вижу в том, что мы старались перехитрить Дьявола!

— Ну, Олеженька считал это нечаевщиной, ”большевизмом наизнанку”. Надо, мол, ”жить не по лжи”... Сынок ведь вырос в Свободном мире, а в СССР прожил меньше года. Где ему понять все хитросплетения ”тактики и стратегии” антикоммунизма... Я виновата — нельзя было его одного отпускать в Москву! Вот и погиб...

Она тихо плакала, листая черную тетрадь: — Сынок пишет, что хотел бы услышать наш ответ... Почти пол года уже прошло. Мир переменялся! Соцлагерь исчез с лица Земли! А мы все "играем", боимся раскрыть карты? Омерзительно...

Лев Николаевич прижал к себе ее седую голову, прошептал сквозь слезы: — Девочка моя глупенькая... Да, мир переменялся, знаю. Но московских начальников — только могла исправит, как Чаушеску! Шестой год они мурлычат о "Перестройке", лгут, чтоб власть свою удержать. Зачем же я перед этими бандитами буду свои "карты раскрывать"?! Они хотят, чтоб я покаялся, стал на колени — тогда вот и трахнут бутылкой по голове, как нашего сына...

Она закурила, глубоко затянулась: — Нaley и мне краснo-го вицца... Слушай, не возвращайся к ним! Если Татьяна умрет, то ее внучек у меня останется. А с двумя грудными детьми мне трудно, я же старуха почти... Здесь ты можешь всю правду сказать, наконец! Умоляю...

— Еще не вечер! — оборвал он. — Я должен вернуться, чтоб 28-й съезд стал последним для этой банды. Понимаешь? Надо поднять знамя социал-демократов: Плеханова — противопоставить Ленину! Клин — клином вышибают. Плеханов называл Октябрьский переворот — преступлением, а Ленина — авантюристом! Игра стоит свечей.

Она допила вино, брезгливо махнула рукой: — Ах, брось! Читала я твоего Плеханова: все та же марксистская тарабарщина, классовая борьба... Он же и выпестовал Ленина! Ты ведь христианин, не можешь искренне любить Плеханова, не верю!

Лев Николаевич побагровел, тихо выпругался: — Прости, при чем здесь "любовь"? Да, это "блядская игра", как пишет сын. Но я же не мечтательная барышня, не эмигрант! А с волками жить — по-волчьи выть.

— Но они перегрызут тебе горло, их больше. Им есть что терять... Они вон пустили слух, что ты сотрудничал с Органми. Сын об этом пишет... Неужели оин и тебя вербовали?!

Он побледнел, криво усмехнулся: — Эка невидаль... За это вот я их и ненавижу! Еще Достоевский в "Бесах" предсказал, что социализм — это поголовный шпионаж. А при тотальной власти КГБ есть только единственный способ победить: "переиграть" врага! Для этого Господь и дал нам разум, волю...

— Но они будут всю жизнь шантажировать! Вспомни, сколько было трагедий во время первых свободных выборов в ГДР. Бывшие чекисты сами же и распространяли анонимки о своих недавних "агентах", осмелившихся порвать с прошлым! Коммунар Иваныч с Феликсом уже в Берлине, прихо-

дили к Татьяне в больницу, "заботу проявили". Разумеется, они изображают из себя "истинных антикоммунистов", Патриотов России, крайне озабоченных судьбой Родины... "Большая игра"?

— А что они конкретно хотели?

— Ну, дело в том, что младший брат Татьяны живет в Литве, проводит там семинары "Христианской России". А Феликс с Коммунарком называют это предательством: "Русские люди должны бороться против литовского фашизма, сепаратизма!". Кроме того, они предложили Тане помощь в издании Дневника нашего сына...

Лев Николаевич сжал кулаки: — Как эти подонки пронюхали?! Боже мой...

— Да, они все знают... Сын мой не был конспиратором: в Свободном мире не надо было ничего скрывать, прятать, утаивать. Дневник свой и в Москве он тоже, наверное, держал в письменном столе, "общедоступном"... Что же теперь делать? "Компромат"...

— Я иду к Тане! — буркнул муж. — Запакуй для нее кулич, пасхальных яичек...

2

В больничной палате было всего четыре койки, но Лев Николаевич стоял в нерешительности, не узнавал Таню... Потом заметил на одной из тумбочек русское издание Евангелия, подошел ближе. Бледно-синяя, с запавшими глазами, старуха...

Он присел на краешек стула, поцеловал ей руку: — Христос Воскресе, Танюша. Внушек твой здоров, все будет хорошо...

— Да, да... Батюшка у меня был, я уж исповедалась... Завтра обещают оперировать... Когда я умру, как же твоя Надя справится с двумя детишками? Не отдавайте Сергуню в немецкий приют, а?

— Ну, ну, не плачь, милая... Конечно, не отдадим никому! Но ты должна жить. Врачи говорят, что всего лишь маленькая опухоль в голове. Немцы отличные мастера, на весь мир славятся, поверь мне!

— Да, да, конечно... Только с диагнозом ошиблись. Страх это, а не опухоль. Он большой-большой, всюду... С детства это у меня. Родители верующими были. А я ужасно боялась: узнают в школе, что крестик ношу — начнут "прорабатывать"! Боже мой, как страшно было... А теперь вот братишка мой, Митенька, в Литве проводит Христианские семинары. А

над головой вертолеты воют, танки грохочут! Ультиматумы... Что с ними завтра будет, а? Страшно как, Господи!

— Запад не позволит, Танюша, не бойся...

Она вдруг приподнялась — и сплюнула: — Тьфу! Они всегда только о своей ж... думают! Коммунистам удалась "большая игра": обманули Запад мнимой "Перестройкой", наобещали барышей торговых... Если задумат Свободную Литву, то и Христианской России — конец! Кровь пустят, как в Китае! Пока не поздно — все должны выйти из СССР: и Москва, и Киев, и Питер... Пусть в СССР останется только Политбюро. Поселить их в мавзолею, вместе с ихним "великим" трупом. А жрать будут собственные свои ... ультиматумы!

— Так и будет, Танюша, только не надо нервничать. Мы должны их пережить! — он погладил ее по впалой щеке. — Скажи лучше, кто принес тебе такой шикарный букет? Надо в воду поставить, чтобы жили...

— Нет, нет! — она вздрогнула, рванулась подняться. — Выбрось эту мерзость! Убийцы принесли цветочки мне на могилу, а ягодки, говорят, еще впереди... Да, это Коммунар с Феликсом, третий раз приходили. Сначала они убили мою дочь и твоего сына, а теперь и вас всех... У них копия дневников твоего сына, грозятся опубликовать. Олеженька писал в порыве отчаяния, они затравили его... Мы должны сами издать эти дневники, Завещание, — вместе с вашими подробными разъяснениями! У меня есть деньги, вам оставлю...

— Но мне, Танюша, рано еще раскрывать все карты. Если сейчас все выболтаю, то они не впустят меня в Россию. Как же тогда бороться с Антихристом мавзолейным?

Она пристально посмотрела ему в глаза. — А бороться надо правдой, Лев Николаич. В России и без тебя много умных, смелых мужиков. Ты должен в эмиграции написать книгу — всю правду. Тогда и победим...

— Ох, милая моя... Я каждую ночь, в кабинете жены, перелистываю десятки книг, изданных в эмиграции за 73 года. Правдиво, талантливо написано, а что толку? У нас — книги, а у тех — танки, самолеты, спецназ, партия...

Татьяна вдруг тихо рассмеялась. — Глупый ты еще, хоть и профессор. Святой наш сказал: "Не в силе Бог, а в правде!" Танкисты ихние — тоже ведь люди, умеют и книги читать...

Неожиданно подошла медсестра: — Простите, больной надо сделать укол, прибрать постель.

— Да, да, я пойду пока, покурю.

— Возвращайся через часик! — с мольбой в глазах попросила Татьяна. — Сегодня последний день... А цветы ихние — заберу, на помойку истории...

Лев Николаевич выскочил из больницы, как из бани... Напиться бы теперь, до беспамьятства! Будто в когтях у Смерти побывал... Конечно, все мы Там будем, раньше или позже. Но важно — продержаться 3 месяца, успеть "расколоть" проклятую Партию! Университет собирался послать меня делегатом на этот последний Съезд. Понятно, что голос провинциального профессора — далеко не решающий. Но можно успеть еще со многими поговорить, убедить. Мафия ихняя сильна именно своим единством, это отлично понимал Ленин. Если нет в Банде железного единства, то нет и абсолютной власти над страной. Наш секретарь райкома, демагог и уголовник, с улыбкой повторяет, делая ударение на последнем слоге: "Во, во, Единст-во!"

... Ах, черт подери, магазины сегодня закрыты. Но вон, кажется, "автомат"... Ага, надо бросить монету — и пиво в жестянке выскочет... Ну, теперь легче жить. Да, нужно немедленно ехать в Россию! Нельзя слушаться слабых женщин. Что толку, если в эмиграции появится еще одна "разоблачительная" книжонка? На свободе — каждый бездарь может накапать. Паспорт — на месте, — надо на вокзал, быстрее! Жене потом объясню... Можно сочинить, что чекисты меня похитили, силой увезли в Москву... Придумаю что-нибудь, в духе эмигрантского юмориста Антонова, который пишет под Антошу Чехонте: "Дрррама на охоте" и т.п. Такси взять?

Лев Николаевич полез в карман за портмоне — и даже пот прошиб... Нет денег! У жены остались... Попросить у Татьяны? Но она сразу догадается. Обождать с отъездом? Жена заставит книгу писать... А как оправдаешься, кто поверит?! В лагере не сидел, в психушке не гнил, на демонстрациях не прославился... Эзопов язык был моим единственным оружием, как и у многих тысяч интеллигентов. А нынче над нами все потешаются... Как им расскажешь о бессонных ночах, когда до головной боли обсасывал каждую строчку: умные люди понимали тогда с полуслова...

Ну, ладно, пора к Танюше в больницу, уже больше часа прошло...

— А я думала, ты "свободу выбрал"! — усмехнулась она. — Я не успела рассказать тебе самого важного. Не хочу в могилу уносить...

— Бог с тобой, ты еще молодая...

— И сын твой был молод, Лев Николаич. Судьба... Я его когда-то любила, от него Машенька моя родилась... А Машин сынок — внуком тебе приходится. Не бросай его, ладно? И

внучка твоя, Верочка, чудесный ребенок. Тоже сирота...

— Да, ее мать, Любушка, застрелилась тут, узнав о гибели Олега. Она мечтала приехать с ребенком в Россию, но ей отказались вернуть гражданство. Ее прадед, кажется, был монархистом, вместе с Врангелем воевал против Ленина. А Коммунары Иванычи не могут этого переварить, даже спустя 70 лет, дрожат за свою власть...

Татьяна в изнеможении откинулась на подушку. — Я тоже просила вернуть мне гражданство, когда моя дочь решила остаться в Москве, должна была рожать. Мне тоже отказали. Надо, дескать, вернуться на Запад и там дожидаться официального разрешения... Властям, как видно, не нравилась моя давнишняя книга о преследовании верующих в СССР. 25-го октября я должна была вылететь, кончалась виза. Накануне Олег взял с меня честное слово, что я опубликую на Западе его дневники. Всю ночь он писал в черной тетради свое "завещание". Мы с Машенькой тогда гостили у него. Утром он пошел прогуляться. Малость погода и Машенька вышла — подышать воздухом, на лавочке посидеть перед домом. Взяла с собой томик Есенина. Я нервничала: мне скоро на аэродром ехать, а они прохлаждаются. Запаковала чемодан — и спустилась вниз...

Голос ее задрожал и оборвался. Лев Николаевич дал ей воды, укрыл одеялом: — Не надо, милая, рассказывать, спи.

— Нет, нет, в последний раз... Когда я вышла на улицу, там уже собралась толпа. Милиция, скорая помощь... Убийцей оказался Васька-алкаш, из этого же дома. Он числился "разнорабочим" в издательстве Коммунара Иваныча. Накануне Васька где-то пьянствовал, подрался, а утром хотел опохмелиться. Привязался к Олегу, требовал денег, орал: "Эмигранты! Антисоветчики! Родину продали Америке!" Олег стал ему что-то объяснять, а тот схватил бутылку — и несколько раз по голове... Машенька в это время выходила из подъезда, подбежала, придерживая свой большой живот. Васька и ей бутылкой по голове, ногами... Ну, ребенка еще удалось спасти — кесаревым сечением, а она умерла в тот же день. И Олег... А завтра — моя очередь...

Она закрыла лицо руками, что-то шептала. Кажется, молилась. Потом тихо сказала: — В руках у Машеньки так и остался томик Есенина, залитый кровью. Я сохранила. Вон там, в тумбочке. Возьми, потом отдашь Сергуне, когда подрастет. Пусть помнит Коммунаров Иванычей... А ты, профессор, кончай "играть" с ними. Покайся, что состоял в их проклятой партии! Быстрее расскажи всю правду, пока Свободный мир жив еще... Пока жив...

”До Тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага...”
(Фронтальная песня).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

4

Татьяну отпели, похоронили на старом эмигрантском кладбище, рядом с Любушкой...

Лев Николаевич еще раз перечитал дневники и Завещание сына, но уже без обиды и раздражения. Составил ”план” книги. Особую главу надо, конечно, посвятить Татьяне. Ее внук, Сергуня, как бы напоминал об этом, когда Лев Николаевич прогуливался с ним по балкону. Тут же и Веруня спала в коляске. Балкон был довольно большой, 4 метра на 8, как раз для двух детских колясок. Профессор, укачав малюток, делал наброски в записную книжку. Жена в это время готовила обед, или прибирала квартиру... Потом надо сбежать в магазин, постирать...

Только вечером, когда искупанные дети уже крепко спали, можно было спокойно работать над книгой. Жена сидела рядом, но глаза ее слипались: ей и ночью приходилось пеленать, кормить, укачивать грудных младенцев...

Профессор оторвался от рукописи, ласково шепнул жене: — Иди, родная, спать. Кстати, никогда не думал, что дети требуют так много времени, сил.

— Ах, пустяки! — улыбнулась она. — Самое трудное будет потом, когда подрастут, пойдут в школу. Тут, в эмиграции, каждый день мне приходилось напоминать сыну, что его родной язык — русский, что раньше или позже мы вернемся на родину, что надо читать русские книги, знать хорошо историю, Веру своей страны. А это же — двойная нагрузка для ребенка, да и психическая проблема: ежедневно осознавать свое отличие от всех других детей, немецких, английских, французских... У всех — есть родина, свой постоянный Дом, свой народ — тут, на месте! А у нас, эмигрантов, все это только в будущем, в мечтах...

— Неужели и Сергею с Верочкой придется прожить на чужбине 10, 20, 30 лет? Когда, черт побери, кончится большевистская оккупация России?! Нет, я сойду с ума...

— А ты вот и пиши книгу об этом. Только так можно спасти душу. Иначе — застрелиться можно, как Любушка. Она родилась в эмиграции, а ее отец, как и моя мама, участвовал в Сопротивлении. Били гитлеровских фашистов, надеясь по-

мочь России. Как и Бунин, восторгались "Василием Теркиным", ждали только смерти Сталина... Усатый подох 37 лет назад, но сущность коммунистов не переменялась. Поколение Владимира Высоцкого уже понимало, что коммунисты не лучше фашистов. Поэтому, наверное, и возродилась тема бескомпромиссной борьбы. Фронтная песня приобрела новый смысл. Не случайно и Олег взял эпитафией к своему Заещанию — строки фронтной песни о любви. Но несколько изменил смысл: "До Тебя мне дойти не легко" — это возвращение к Богу, к России...

— Но зачем вторая строка: "а до смерти — четыре шага"? — удивился Лев Николаевич.

— А ты вспомни, что балкон, где ты прогуливаешься с внучатами, насчитывает 4 шага до барьера: если посмотреть вниз с балкона, то смерть кажется такой близкой... Олег тоже прогуливался по этому балкону, когда ожидал возвращения в Россию, обдумывал сюжеты последних рассказов.

— Да, да, а в Москве Олег жил на четвертом этаже — тоже говорил, что смерть так близка... И там, и здесь, как видно, его мучила мысль о трудности "Прорыва" к Христианской России. Он ведь на каждой странице дневника напоминает о Лжи "перестройки и гласности" Коммунаров Иванычей, называет это "блядской игрой". И нас с тобой подозревает в причастности к "большой игре" с Антихристом... Олег возмущался, что Коммунар Иваныч затеял издание Воспоминаний твоей покойной матери об антифашистском подполье. В предисловии к книге там написано: "Отважная патриотка до самой смерти, в эмиграции, сохранила верность великим идеалам Ленина, Дзержинского".

— Бред собачий! — рассмеялась жена. — Коммунар Иваныч, как все партийцы, "работает волшебником": к чему бы ни прикоснулись они "волшебной палочкой" своего ленинизма — все обращается в сплошное дерьмо! Моя мать досыга нахлебалась баланды в советском концлагере, поэтому любой ценой старалась бежать из соцлагеря! В эмиграции она открыто возмущалась советским режимом, удушившим лучших людей России, и Пражскую Весну, и польскую "Солидарность", и Афганистан. А КПСС вдруг воспыало любовью к покойникам, которые не в состоянии уже дать им по морде. Хор чекистов ангельскими голосами поет "Реквием" Ахматовой, — будто это не они пытали в своих подвалах четыре поколения россиян! И Гумилев, и Набоков, и Бердяев, "легализованные" Коммунарами, — прокляли бы нынешних КП—Эсэсовцев, душителей Свободной Литвы!

— Сегодня задушат Прибалтику, а завтра возьмутся за

неудобный им Моссовет, устроят сталинскую "чистку" партии! — согласился Лев Николаевич. — Стыдно теперь отсиживаться в эмиграции...

— А я, милый мой, еще 3 года назад оформила документы на возвращение в Россию. Тогда уж многих выпустили, в том числе и Сахарова, Ратушинскую, Бородина... Запад ликовал, уверовал, что и в ЦК действуют "диссиденты". Ну, а в феврале прошлого года я получила официальный отказ: "Ваше возвращение на постоянное жительство не представляется возможным".

— Но в это время сын был уже в Москве! Вопрос ведь стоял о воссоединении семьи. Они не имели права отказать, тем более, что и ты родилась в Москве, имеешь законное право на гражданство!

— А они плевали на все законы и права. Им легче было уничтожить нас по отдельности: сына — там, а меня — здесь. Это же просто партийная мафия: не существует никакого Государства, соблюдающего элементарные права граждан. "Кто не с нами — тот против нас!" — это и по сей день единственный "Закон" ихней банды. Феликс посоветовал мне: "А ты напиши через прессу, хорошо напиши, патриотично! Понимаешь?" Если бы я стала на колени, покаялась в том, что ушла в эмиграцию, "клеветала" на коммунизм, но осознала теперь великие достижения социализма, то они, возможно, "простили" бы нас...

Лев Николаевич расхохотался: — А я даю голову на отсечение, что в ЦК нет ни одного человека, верующего в коммунизм! Вопрос лишь в том, чтобы остаться у власти, сохранить свою "сладкую жизнь". Для этого надо и дальше дурить "народные массы": с помпой праздновать 120-летие Ленина, класть цветочки к подножию его бесчисленных изваяний... "Легализовать" свою власть!

— Да, и наживать капитал на крови погибших: ррразоблачать бяку Сталина... Поэтому им и понадобились Воспоминания моей матери. Коммунар Иваныч отправил в эмиграцию Феликса — наладили контакты с левыми социалистами. Нашелся молодежавый "Антифашист", поклонник Мао, Кадаффи и Хонекера, который "подтвердил" в советской прессе, что моя мать до конца сохраняла верность идеалам коммунизма... "Используют" покойников, брр...

— Но зачем им нужна вся эта туфта?!

— А затем, милый, чтобы на "идейной" базе построить себе дачу в Швейцарии, как и Чаушеску, "на всякий случай"... Но для этого им надо нас уничтожить, скомпрометировав предварительно. В изданной ими книге они поместили фотогра-

фию моей матери с казенным журналистом, которого она презирала от всей души. Но — иди теперь, докажи, что ты не верблюд...

— А зачем общалась с такой дрянью?

— После лагеря ей пришлось добиваться официальной реабилитации. Не хотела, чтобы у меня и потомков в анкетах значилось: "дети врагов народа". Из-за детей нам и приходится идти на компромиссы с палачами. Они бьют по самому больному...

— Да, разумнее нам всем было бы не иметь детей, пока Россией правят бандиты.

— Ох, плачут наши птенчики! Пора кормить, пеленать...

5

Утром в квартиру позвонили: — Телеграмма!

Лев Николаевич открыл дверь. На пороге стоял громадный бородач с букетом. Басом он пропел по-русски: — Вот вам телеграмма от гиппопотама! Ха-ха-ха, не узнаешь своего друга, Феликса?! Это вот цветочки твоей супруге — от Коммунара Иваныча!

— А позже и ягодки будут?

— Нет, прямо сейчас! Вот для детишек — свежая клубничка, с грядки, ха-ха! — он услышал голос Нади, баюкавшей детей, просунул голову в спальню: — Коммунар просил сообщить тебе, дорогуша, что он бьется как рыба о лед, чтоб твоей покойной мамаше дали золотую звезду героя с орденом Ленина, слышишь?

— Да, убирайся вон! Закрой дверь с той стороны.

Феликс стушевался. Лев Николаевич усмеялся: — Пройдемте, гражданин, ко мне в кабинет, вот сюда, смелее...

— Ах, Левушка, мы же с тобой друзья детства, не забывай. Я вот и коньяк притащил, давай рюмашечки, выпьем!

— Хорошо, это можно. А Коммунару передай, что орден Ленина — может себе на х... повесить! Да, да, времена переменялись. У нас же маленькие дети, будут потом стыдиться, что мы изображение Ленина держим в квартире. Гитлера мы тоже не почитаем.

— Но ты, профессор, и сам состоял в партии!

— Да, было дело под Полтавой... А теперь, повторяю, времена переменялись: виден уже ваш конец, Феликс. Ну, ладно, выпьем. За что? Пусть с вами обойдутся лучше, чем с Чаушеску. "Наполеон" хороший...

Феликс еще налил коньяка, повеселел: — Но только ты, профессор, напрасно насчет того, что "конец" мой видать, —

ширинка у меня вроде бы застегнута! Да, такие пироги... А я ведь всегда догадывался, что ты ведешь "большую игру", пытаешься изнутри взорвать партию, будь она проклята! Ага, не удивляйся. Мы с Коммунаром тоже вели подпольную борьбу против подлого режима! Ах, если б ты знал, сколько людей хороших мы спасли от гибели! А каких усилий нам это стоило, сколько благородного риска, бессонных ночей, горьких слез! Когда мы победим, то наградим тебя орденом Сергия Радонежского. Но пока — надо, ради конспирации, действовать под знаменем Ленина, будь он проклят! Мишка Горбачев — тоже наш человек, убежденный антикоммунист! Только это — величайший секрет, не проговорись западным олухам, иначе чекисты нас всех растерзают! И пусть твоя глупенькая жена не обижается, что ее не пустили в СССР. И ей бы Васька-алкаш вдарил бутылкой по голове! А теперь вот она воспитывает детишек в Свободном мире, не должна часами выстаивать в очередях, как несчастные советские женщины.

— Но Васька-алкаш был, говорят, работником Коммунара.

— Боже упаси! Мы этого Ваську расстреляли, как бешеную собаку! Дело ведь в том, что Олег был сыном Коммунара Иваныча... Ну, что бледнеешь? Ты спроси потом у своей жены, я не хочу вмешиваться в семейные дела, но факт остается фактом. И еще один секрет выдам. Покойная Любушка родила дочь, Верочку, от меня. Да, да, ты присмотрись внимательнее к ребенку, сравни с моей фотографией, вот... Любушка очень хотела вернуться в Россию, а я — всеми силами помогал, Олегу вот облегчил получение советского паспорта. Любушка была истинной патриоткой, в порыве сердечной благодарности это и произошло... Так что мы с Коммунаром — не враги вашим детишкам, поскольку это и наше семя, родное, русское! Ну, не грусти, братишка. Выпьем за победу над Антихристом! Как поется: "налей, налей..."

Лев Николаевич положил ему руку на плечо: — Слушай, Эдмундич! Пусть у тебя не будет иллюзий: я никогда не поверю ни одному твоему слову! Ты с Коммунаром, как и все выдающиеся большевики, "сделаны из особого материала", звуконепроницаемого: искреннее слово вам недоступно, не проникает в душу, если она вообще есть у вас...

— Ты, профэйсер кислых шей, не сумеешь меня оскорбить! Кстати, нынче Москва не верит никаким словам... Отец твой был советским генералом, подручным Тухачевского, Берзиня, помогал вербовать агентов среди российских эмигрантов. Не затем ли и ты пристроился на Западе? А мы, русские дворяне, всегда презирали шпионов! Надеюсь, что компетентные западные органы обратят на тебя внимание...

Даже после того, как Лев Николаевич вышвырнул Феликса из своей квартиры, тот продолжал "диалог", широко улыбаясь: — Истинно русские люди, профессор, не бьют гостей! — он вставил ногу в проем двери, не давая ее захлопнуть. — Детишки вон орут от страха... А я, как истинный христианин, хочу спасти вас всех! Пойдем со мной, я расскажу тебе самое важное. Боишься, профессор? Не бэди, не укушу...

Лев Николаевич вышел на лестничную площадку: — Пошли. Поговорим еще в кнайпе...

Заняли столик в углу, заказали по 2 кружки пива. Феликс, широко улыбаясь белозубым протезом, продолжал:

— Масоны выбили зубы, видишь? Пришлось вставить новенькие. Вот я теперь и улыбаюсь всю дорогу, как президент Картер, что орешками торговал...

— А у нас в школе, на уроках биологии был скелет — с широкой улыбкой... За любовь к детям его Дзержинским прозвали.

— Ладно, профэйсер, на твоём месте я бы не смеялся. Плохи твои дела. Ты и сам, небось, не заметил, как стал участником жидо-масонского заговора против России? Покойная Татьяна была скрытой сионисткой, имела израильский паспорт. Вот она и ратовала за отрыв Прибалтики от России, понимаешь? Но ты же — наш, русский?! Конечно, я понимаю, ты с детства озлобился на Россию: отца расстреляли, мать си дела, Коммунар Иваныч тебя "использовал", как девочку.. Но постарайся подняться, дружок, над мелкими обидами, любви Родину! Будь патриотом, наконец!

— Я уже говорил тебе, Феликс, что не верю ни одному твоему слову. Доканчивай пиво — и пойдем по своим домам...

— Нет, постой! Ты же талантливый ученый — будь объективным! Дело не в словах. Ты лучше — в душу мне посмотри, в широкую русскую душу!

— А Достоевский советовал сузить эту твою широкую "душу". Да и где она?

— Ну, Достоевский нам не указ: он сам состоял в коммунистической банде Спешнева, хотел убить нашего Царя! И в "Бесах" оклеветал русских людей. А теперь выяснилось, что он был чуждых кровей, из литовцев происходил: отсюда его русофобия, предательство!

Лев Николаевич рассмеялся: — А у тебя, кажется, дар юмориста. Но как увязать эту брехню — с "антикоммунизмом"?

— Напрасно обижаешь меня... Вспомни, как Милюков, вождь эмигрантский, писал в 40-м: "Мы, антикоммунисты,

желаем России победы над Финляндией. Ибо режимы приходят и уходят, а Империя Российская — будет вечно!” И профессор Устрялов, бывший белый, благословил Ленина на возрождение Империи. И монархист Шульгин восторгался Сталинскими завоеваниями — во имя нашей Державы! И твой отец в Гражданскую войну хорошо сказал: ”Я — русский, поэтому — в армии большевиков!” Вместе с Тухачевским он мечтал возродить Великую Империю, но паршивые белополяки помешали...

— С тех пор, Феликс, утекло много воды и крови. За 73 года коммунизм-социализм окончательно обанкротился! Ленинская ”большая игра” провалилась. Он пытался хитроумно ”использовать” не только русских офицеров: вы, дескать, русские патриоты, поэтому должны помочь большевикам сохранить Государство. Он внушал и евреям, латышам, всему Коминтерну: ”Только большевики, мировая революция, способны решить национальный вопрос!”. Некоторые наивные идеалисты повторяли, как попугаи: ”Я — еврей, поэтому и коммунист!” Или: ”Я — латышский стрелок, поэтому за большевиков!” Все оказались в дураках, а больше других — те русские, которые и по сей день почитают Ленина, веря казенным патриотам...

Феликс заказал еще пива, закурил. — Напрасно ты мне не веришь, профессор. Клянусь Богом, я — антикоммунист, ненавижу Ленина! Но необходимо вооружиться правильной стратегией, тактикой. Русскую массу можно раскатать на борьбу только внушив, что коммунистический режим — идет от жидов, масонов, сионистов! А если евреям малость и помнут бока, то им же на пользу пойдет: пусть поймут, наконец, что только в Государстве Израиль они избавятся от ужасов антисемитизма! А мы, русские, таким образом скомпрометируем большевизм — со всех сторон. Ну, а КПСС пусть временно будет у власти, ибо это единственная сила, способная сегодня сохранить Государство!

Лев Николаевич кивнул: — Все понятно. Перечитай у Достоевского ”Легенду о Великом Инквизиторе”. Это старо, как мир: путь в ад вымощен благими пожеланиями. И мне не важно: заблуждаешься по недомыслию или сознательно лжешь. Ложь всегда служит Антихристу. И на этот раз ”большая игра” поможет коммунистам сохранить власть. А надо бы русскому народу честно объяснить: русофобия, всемирный заговор — исходят из КПСС-КГБ. Разве не они всегда, от Чернышевского, Ленина вопили, что русский народ — раб?! Православие всегда почиталось ими за злейшего врага, а вся история России изображалась ими в черных красках. Дескать,

только коммунисты принесли свободу, культуру, промышленное развитие, науку. А до Октября, мол, Россия была дикой, азиатской, тюрьмой народов. Теперь — стала могилой народов, и в первую очередь — для русских. Ведь русских парней используют в качестве палачей, пятой колонны, — и в Прибалтике, и на Кавказе. И Восточная Европа еще не забыла "русских"... Так вот и каждого немца считали "фашистом", пока не разгормили национал-социалистическую Империю. Когда КПСС устроят от власти, то кончится и "русофобия".

— Ах, не преувеличивай, профессор...

— Напротив, я еще и сотой доли преступления не назвал. Ленин использовал русский народ как хворост, разжигая мировой пожар. Весь мир долго еще будет отплеиваться от "русского" коммунизма. КПСС превратила русских людей в "советскую" свержнацию, противопоставив всему цивилизованному миру, засылая повсюду свою агентуру. "Русский, чекист" — долго еще будет наводить ужас на христиан.

— На меня намекаешь, милейший?

Лев Николаевич резко поднялся: — Я с самого начала знал, с кем имею дело! Прощай.

— Зачем же тогда откровенничал?

— Надеялся, Феликс, что ты хоть немного поумнел за последний год... Мир переменялся, пора кончать блядскую игру. Бандит, распятый рядом с Христом, за несколько минут до смерти спас свою душу, покайся. Учти, не опоздай.

— И ты, Левушка, учти: Родина сурова...

Домой профессор возвращался в дурном настроении... Действительно, надо быть наивным идиотом, чтобы надеяться переубедить в чем-то Феликса, Коммунаров. Их только могила исправит... А нас?

Возле подъезда стояла скорая помощь, суетились люди. К профессору подбежала соседка, Настасия Ивановна: — Пока вы там пьянствовали с чекистами, у жены вашей, кажется, инфаркт случился! Ну, ну, поздно уже — повезли в больницу. Я пока присмотрю за детьми... Наслушалась она, бедная, всяких чекистских секретов, когда вы в кабинете пьянствовали. Ей плохо стало, меня позвала. Боялась, что тебя убили. А надо бы! Теперь буду караулить, чтоб детишек в СССР не утащили. Чего глаза вытаращил? Я у вас в лагерях прошла все "университеты". Отец твой, будь он проклят, мою маму завербовал в эмиграции: надо, мол, помочь Родине, обезвредить Гитлера... А в июне 41-го маму отозвали в Москву, убили. Меня — в детскую колонию. Скоро 50 лет будет, как я познакомилась с вашим соси-ализмом. Будем вас судить на новом Нюрнбергском процессе...

”И милость к падшим призывал”.

Пушкин

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

7

Лев Николаевич молил Господа, чтоб жена скорей вернулась... Врачи обещали, что через пару дней отпустят ее домой. А пока приходилось жить в одной квартире с этой свирепой старухой, Настасьей Ивановной. Правда, детишки ее любили. Она была отличной хозяйкой, сообразительной и веселой, когда общалась с детьми. Но стоило ей обратиться ко Льву Николаевичу, как губы кривились в язвительной усмешке, и глаза зажигались ненавистью. Так вот и в этот вечер. Она открыла дверь кабинета, хрипло спросила: — Ну, что, начальник, все пишешь свой ”мемуар”? Может, угостил бы меня винцом?

— Ах, конечно, тетя Настя, присаживайтесь! Вам красного?

— Нет, белого! А я давно хотела тебе сказать, профессор: перестал бы марать бумагу, только людей с толку сбиваешь!

— Простите, Настасия Ивановна, а вы читали мои работы?

— ”Работы” твоей не знаю, а статейки читала. Папочку своего норовишь оправдать? Но черного кобеля не отмоешь добела: он же чекистом был, эмигрантов вербовал, мать мою сгубил!

— А он и сам погиб в застенках Лубянки.

— Собаке — собачья смерть. Сталин ведь уничтожил своих прихлебателей не за то, что они коммунистами были, а за то, что линию партии не соблюдали. Раз уже партия ваша взяла курс на любовь с Гитлером, то все члены и обязаны были целовать Адольфа в ж..., не отклоняясь. Верно? Такая уж ваша бандитская партия, сами же ее и создавали. Другое дело, если б твой папаша воевал на стороне белых, или бы русских мужиков Антонова поддержал! А если был чекистом, то — преступник!

— Ну, знаете ли, тетя Настя, это дело очень сложное. Если бы мой отец с Тухачевским взяли верх над Сталиным в 37-м, то первыми бы ударили по Гитлеру, не было бы 30 миллионов погибших в России! Кроме того, мой отец был не чекистом, а военным разведчиком. Ну, вам не понять эти тонкости.

Старушка обиделась: — Да как ты смеешь с дамой так разговаривать? Насмотрелась я ваших ”тонкостей” в лагерях! Ленин вон говорил, что даже кухарка сможет управлять его Империей! — она хрипло рассмеялась, налила себе вина. — Не

надо тень на блядень наводить, профессор. Разве серьезный мужик станет так рассуждать: "если бы, да кабы"... Никакого "если" в вашей партии быть не могло, и не будет, пока вас не прогонят! Я вон читала "Утопию у власти" — там вся ваша подноготная! Только название плохое: не "Утопия" сидит нынче у власти, а Мафия. И сколько бы на бандитов ни работать, все коту под хвост! И военные разведки твоего отца какие бы ни совершали подвиги, а все бестолку, — партия немцев к Москве подпустила, да и разведчиков своих угробила! И всякие там слова красивые об "антифашизме" — обычная брехня. Так что напрасно ты своего папочку оправдываешь: от этого польза только партии!

— Но я хотел, чтобы сначала сама партия призналась в своих преступлениях, а потом уж сделать окончательные выводы! Врага надо перехитрить...

Настасия Ивановна несколько смягчилась, взяла со стола сигареты, закурила. — Ты хоть и профессор, а как ребенок, в прятки играешь. Партия ихняя, как и любой бандит, всегда себя оправдает. Они вон брешут: "Если бы Ленин не умер так рано, то построили бы хороший социализм!" Или еще: "Если бы Сталин не был болен манией величия, то социализм бы не деформировался!" Или: "Если бы Брежнев не исказил ленинский курс 20-го съезда, то социализм имел бы человеческое лицо!" Это все равно, что сказать: если бы ихняя власть не была от рождения блядью, то стала бы хорошей матерью, не убивала бы своих детей. Но шлюха — никогда не станет хорошей матерью, чудес не бывает на нашей грешной земле...

Лев Николаевич поцеловал старушку, прослезился: — Святая правда! И я так думаю.

Она отстранилась: — Зачем же тогда брехал об "антифашизме"? Папаша твой, когда вербовал мою мать в эмиграции, тоже налегал на то, что Гитлер ненавидит русских, славян, хочет взять реванш за поражение в прежней войне против России...

— А разве не правда? Отец мой был царским офицером...

— Но вербовал-то он людей не в царскую, а в советскую разведку! А Гитлер — это немецкий Ленин, тоже за социализм, под красным знаменем, хоть и со свастикой. Хрен редьки не слаще: та же брехня о рае на земле, "любый ценой"! Один уничтожал "плохие" классы, а другой — "плохие" нации. Не случайно они пошли на любовный сговор. Коммунисты считала нацистов "ледоколом революции", хотели использовать Гитлера для уничтожения Свободного мира. Но Адольф перехитрил Иосифа: хотел сначала покорить, а потом использовать советских против Америки, Англии...

— Это все известно, тетя Настя.

— Ну, если тебе известно, то зачем трезвонишь об "антифашизме"? Другое дело — евреи, у них не было выхода. Но твой отец использовал "антифашизм" на пользу бандитской партии, даже если против своей воли. Так же Ульбрихты, Хонекеры — 45 лет использовали знамя "антифашизма", чтобы прикрыть, оправдать свой фашистский режим. Так же и советские, по сей день брешут, что они все народы "освободили от фашизма". Начальничек в лагере талдычил мне: "Ты должна помочь нам, разоблачать фашистов! Поможешь — быстрее освободим!" Старухой вышла...

Она смахнула слезы, выкрикнула: — И опять двадцать пять! Явился тут Феликс, "патриот" засранный: "Ты должна помочь Родине, разоблачить заговор диссидентов, жидо-масонов, сионистов, они хуже фашистов! Не хочешь? Тогда все узнают, что ты была стукачкой в лагере!" Опять они хотят прокатиться на "антифашизме", вербуют "воинов-интернационалистов"...

— А чем это кончилось?

— Я шуганула его матом. Но "игра" ихняя никогда не кончится, если не вырезать гнойник! Нужен новый Нюрнбергский процесс — над коммунизмом. Если я была стукачкой, то пусть меня повесят — на одной перекладине с Феликсами! Запретить ихнюю партию!

Лев Николаевич достал из письменного стола бутылку водки, налил себе и старушке: — Выпьем, родная, за победу. Но не скоро это будет... Они вон затеяли новую "игру": буд-то уже перестали быть коммунистами, а стали "нормальными" социал-демократами... "Я — не я, и хата — не моя!" А нас вот — охотно перевешают, как "врагов перестройки и гласности".

Настасия Ивановна отняла у него бутылку: — Хватит! А у Феликсов — песенка спета. Западных фраеров они еще могут дурачить. Но русский мужик — устал от ихней брехни. И ты — ложись спать, а то спяну опять станешь "играть" с волками. Пойду детишек кормить. Завтра Надежда твоя вернется. Прощения у нее попроси, слышишь? А мне вот Господь деток не дал... Если надо будет — я всегда помогу.

8

Профессор не лег спать: захотелось вдруг поработать над книгой. Может быть, суровая Настасия и права? Всю жизнь советскому интеллигенту приходилось "играть" с партией в прятки, если не хотелось сгнить в лагере. Оправдывали себя,

как могли, приспособлялись к обстоятельствам... Партия навязывала нам, с позиции силы, свои правила игры. Так получилось и теперь, с "гласностью и перестройкой". Разрешено было вернуться вспять, ко временам хитроумного Никиты: проклинать "плохого" Сталина, чтобы возвеличить "хорошего" Ленина, — во имя "демократического" социализма... И вдруг — случилось Чудо: вся Восточная Европа решительно порвала с социализмом. Чехи так сформулировали: "Не хотим социализма ни с "гусиной" кожей, ни с "человеческим" лицом"! Гусаки, пригласившие советские танки в Прагу в 68-м, предстанут перед судом за предательство.

Такая же судьба ожидает и прибалтийских "коммунистов на платформе КПСС". Но Литва, первая начавшая серьезные Реформы, то есть, отказ от социализма, объявлена в Кремле "врагом перестройки". Так вот, наконец, выявилась истинная суть "перестроечной" КПСС: ни о каких серьезных Реформах они никогда и не помышляли! Поэтому и устроили свистопляску с "русофобией", т.е., с защитой коммунизма от "иноверцев". А русский народ, дескать, сделал свой окончательный выбор в Октябре, будет до последней капли крови защищать свою Социалистическую Державу, "единую и неделимую". Не случайно, что Феликс в эмиграции прикинулся "монархистом".

Сахаров еще раньше подметил: "перестройка и гласность" была затеяна Андроповым, подобравшим соответствующие кадры, поныне занимающие ключевые позиции. Мафия Андропова хотела скинуть мафию Брежнева — вот и вся "перестройка". Конечно, и в этом были плюсы: андроповцы сделали послабления для интеллигенции, чтобы привлечь на свою сторону, разоблачать "плохих" брежневцев, слишком уж проворовавшихся бездарей. Ну, а "реформы", затеянные КПСС, не шли дальше борьбы с алкоголизмом (чтоб не пили на рабочих местах). Ну, еще вылавливали прогульщиков (в банях, в курилках...).

"Гласность" тоже была изобретена Андроповым: опытный чекист знал, как можно втереть очки Западу. Советологи западных университетов вдруг начали протирать запотевшие от восторга очки: "ах, в советской прессе черным по белому пишут, что кончился классовый подход к жизни, а начался период общечеловеческих ценностей!". Следовательно, решили они, во главе партии теперь стоят диссиденты... Кстати, такие же советологи во время войны восторгались Сталиным, "распустившим Коминтерн, отказавшимся от коммунизма, — ради возрождения Православия, истинной России!" Да и сам Сталин по-секрету говорил им, что пошел бы на еще более

решительные Реформы, если бы не "ястребы", засевшие в Политбюро. Запад, стало быть, всеми силами обязан поддерживать "дядюшку Джо", который учился когда-то в Духовной семинарии — и сохранил в душе общечеловеческие ценности... Запад спас сталинский режим.

Так же вот и сегодня на Западе решили: только благодаря "перестроечной" КПСС удалось Восточной Европе освободиться от социализма! "Ах, только бы вот строптивая Литва и азартные кавказцы не сорвали благородных замыслов КПСС!" Да, Андропов оказался талантливым игроком, — это ведь он еще в 56-м начал "перестройку" в Венгрии... Но сколько тысяч восставших заплатило за это жизнью?

И нынешняя КПСС с радостью утопила бы в крови революцию в Восточной Европе. Помешало только одно: страх перед техническим преимуществом НАТО. Отставание СССР в военной технике и было единственной причиной, побудившей КПСС к "перестройке", но, задуманной так, чтобы партия сохранила господствующее положение. Поэтому и "гласность" партийная — гроша медного не стоит: по сей день от народа скрывают главный "секрет" — запрещено писать о бандитской сущности Ленина, его партии.

А ведь с этого и надо было бы начать Реформы: раз и навсегда развеять миф о "прогрессивности" Октябрьского переворота, мягко выражаясь. Даже Плеханов назвал Апрельские тезисы Ленина — "бредом сумасшедшего". К несчастью, Ленин вовсе не был "сумасшедшим", это не клинический случай. Равно как и Сталин, Гитлер, Ленин были реалистом, прогматиком, отлично знавшим, что надо будет пролить море крови для достижения своей цели: перевернуть мироздание, построить "рай на земле" (в своем, конечно, понимании). Все они берут начало от Маркса, Энгельса, от "Манифеста", "Капитала" и прочих наукообразных теорий, обещавших человечеству земной рай, — стоит лишь "вырезать" часть населения, отдать всю власть Партии...

Богоборческие корни социализма очевидны, давно исследованы. Особая заслуга в этом Достоевского, на собственном опыте познавшего ужасный соблазн коммунистической пропаганды (в группе Спешнева, в кружке Белинского). А Ленин, создавая большевистскую партию, использовал богатейший опыт самых радикальных "бесов" российского подполья: и кровавого Нечаева, которого Ильич считал "титаном революции", и Ткачева, проповедовавшего тотальную диктатуру революционной партии, и "Молодую Россию", мечтавшую вырезать всех грамотных, старше 25-ти лет, и Чернышевского ("К топору зовите Русь!"), и, конечно, учитывался

опыт Пугачева, Разина, Болотникова, народников-террористов (здесь и "подвиги" старшего брата Ульянова). Столь же "плодотворным" оказался для ленинской партии и опыт якобинского террора, и уроки поражения коммунаров, проявивших, по мнению Ильича, "непростительную" мягкотелость... Мировая революция, которую Ленин жаждал возглавить, была явлением общечеловеческим, интернациональным.

Большевизм, как и последовавший за ним фашизм, является не "русским" или "западным" изобретением, а всемирной чумой. В конце 20-го века это подтвердилось опытом Центральной и Восточной Европы, крахом компартий высококоразвитых стран.

Год 1990-й стал переломным в истории коммунизма и социализма. Лопнул русофобский миф о "плохих" русских, неспособных воодушевиться и реализовать идею "хорошего" социализма. Теперь идею социализма категорически отвергли и европейские народы, которых никак уж не обвинишь в "азиатской отсталости": немцы, чехи, народы Прибалтики, венгры, поляки... Это было шоком для западных социал-демократов, мечтавших обрести новых союзников. А ведь еще недавно многие социалисты утверждали, что все недостатки "русского" социализма коренятся в "плохой" истории России: царизм и православие подготовили, дескать, почву для сталинизма, извратившие социалистические идеалы...

Русофобия эта коренится в самом большевизме. Ленин, фанатично проповедовавший идею диктатуры пролетариата, подготовил почву для кровавой коллективизации. Ленинская партия должна была, раньше или позже, для сохранения своей власти — "ликвидировать реакционных хозяйчиков", т.е. русских и украинских крестьян-единоличников, мешавших внедрению планового социалистического механизма. Партия, озабоченная идеей мировой революции, должна была форсировать индустриализацию, чтобы вооружить свою армию наилучшим образом. И по сей день эта партия не жалеет денег для армии, — иначе не удержаться у власти...

Сталинизм был не "отклонением", а логическим завершением марксизма-ленинизма. Русофобия этого режима состояла в том, что русский народ они сделали главным инструментом "мировой революции", то есть, в перманентной агрессии, захватничестве, в удушении всех других народов. Большевизм, как и фашизм, нанес тяжчайший духовный урон "избранному" ими народу. Не случайно Сталин не скупился на похвалы русскому народу: бесконечной лестью надо было "купить" душу, чтобы использовать в интересах Партии. Так продолжается и по сей день. А прикрыть эту мерзость им лег-

че всего — ”отвлекающим маневром””: обвинив в ”русофобии” прибалтов, поляков, евреев, арабов, кого угодно, только не Партию! Захватив власть, Ленин знал, что не сможет рассчитывать на поддержку основной массы русского народа. Партия воинствующего атеизма и не скрывала своей ненависти к Православию, связанного кровными узами с крестьянством, то есть, с большинством населения России. Ленин давно это предвидел, поэтому и делал ставку на ”инородцев”, которых после Октября использовал в карательных Органах. Партия, таким образом, сознательно разожгла в России межнациональную ненависть: так легче удерживать власть. Большевистский опыт был использован Гитлером. Не случайно, что национал-социализм имеет сейчас в России немало сторонников. Все возвращается на круги своя...

Профессор отодвинул рукопись, прошелся по кабинету... Надо бы назвать конкретных людей, Феликса с Коммунарком, но неуместно в теоретической статье. Или — я их боюсь? Хорошо бы выйти на балкон, глотнуть свежего ветерка...

9

Было еще темно. Лев Николаевич раскурил трубку, прошелся по балкону. Да, 4 на 8... Скучно писать о том, что давно уже известно умным людям. А подонков — все равно ни в чем не убедишь. Но все-таки полезно, для самого себя: постараться понять, как мои родители оказались в стане большевиков?! Не верю, чтобы порядочный русский человек мог сознательно служить Партии воинствующего атеизма. Ну, а если ”подсознательно”? Жажда власти, честолюбие, карьеризм? Какой-нибудь комплекс неполноценности? Вероятно, все вместе. Да еще и сила трескучих фраз — на митингах, когда людское стадо жаждет Чуда. Наиболее хищные — безумно мечтали вырваться в Наполеоны, на то и ”революция”...

Но подавляющее большинство — было мобилизовано сильно, под угрозой расстрела. А потом уж — служба по проторенной колее, из которой не вырваться. Такой была, наверно, судьба генерала Власова, его соратников, возродивших Русскую Освободительную Армию, во имя святой цели: уничтожения тоталитарного режима. Не удивительно, что Гитлер боялся Власова, не доверял ему. Сегодня Свободная Чехословакия могла бы поставить памятник власовцам, спасшим Прагу от эсэсовского погрома. Но КПСС, конечно, стала бы мешать...

Ладно, вернемся к судьбам моего поколения: здесь все ближе, понятнее. Родители назвали меня Львом — в честь

Толстого. Но жизнь я прожил не Львом, а кротом, в лучшем случае... Толстовская идея самосовершенствования, пригодная для Христианской России, оказалась бесплодной при коммунистической диктатуре. Может быть, только после падения власти Феликсов-Коммунаров, — вернемся к прежним ценностям? Но сегодня еще эта Мафия правит бал: ходят слухи, что они собираются "реабилитировать" моего отца. Спешат, пока не поздно, заработать пару миллионов на еще одном покойнике, подкрасив его, по своему образу и подобию.

Наверное, так напишут о моем отце: "Генерал Солдатов, Николай Митрофанович, был истинно русским человеком, до конца служившим великим идеалам Ленина, Октября. Будучи незаконно репрессирован во времена культа личности, перед смертью крикнул, раздирая тельняшку: "Да здравствует коммунизм!" Он был верным учеником Берзиня, Тухачевского. Родившись в бедной крестьянской семье, он при царизме обречен был бы батрачить на кулака-кровопийцу. Но грянули залпы Авроры — и он пошел защищать наше первое в мире отечество рабочих и крестьян. Партия высоко оценила его заслуги в деле подавления бандитского мятежа Антонова, агента мирового капитализма. Став генералом, Н.М. не порывал кровных связей с колхозным крестьянством, помогал ликвидировать банды кулаков. А все свободное время он, по завету великого Дзержинского, посвящал детям-сиротам: играл для них на гармошке, разучивал с ними патриотические песни... Теперь, в эпоху перестройки и гласности, мы смогли, наконец, рассказать всю правду о верном сыне Партии, — пусть молодежь учится!"

Феликс с Коммунаром напишут о моем отце книги, состреляют фильмы, кое-что продадут и за валюту, чтобы построить себе еще одну дачу в Швейцарии, на всякий случай... Ведь когда Россия свергнет их Мафию, то на Западе сердобольные социалисты дадут им прибежище.

А сейчас, чтоб я не мешал им делать бизнес на моем отце, чтоб не болтал "лишнего", Мафия постарается меня прикончить. В эмиграции это не трудно, — для того и отрезали путь в Россию: жене моей по сей день не вернули гражданства... "До Тебя мне дойти не легко, а до смерти — четыре шага"... Может, лучший выход — с балкона — вниз головой? И заснуть крепко. А проснуться — уже в Свободной России...

Чудес на земле не бывает, говорят. Ну, тогда надо жить. Может, удастся пережить Феликсов? Детишки вон — точно переживут их. Проснулись уже... Надо идти, помочь тете Насте. А потом — в магазин сбегать за детским питанием. Здесь, слава Богу, выбор большой...

”Любите врагов ваших, (...) тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и не многие находят их”.

Евангелие от Матфея.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

10

Лев Николаевич был счастлив, когда жена вернулась из больницы. От врачей он узнал, что теперешний ее инфаркт — уже третий... Дорого обошлась ей борьба за возвращение в Россию, гибель там сына... Да что греха таить, и моя ”игра” с Феликсами — была не меньшим ударом. Если не самым страшным.

— А ты знаешь, родной, что спасло меня теперь? — она робко улыбнулась. — Но не смейся, ладно? Я вот все думала в больнице, что это значит: ”Любите врагов ваших.” Помнишь, в Евангелии от Матфея даже еще подробнее объясняется: ”благославляйте ненавидящих и гонящих вас, потому что тесны врата и узок путь, и не многие находят их...” Может, я путаю слова, но суть ясна, так мне кажется.

— Умница моя! Конечно, это главное. Помнишь, как протоп Аввакум говорил своим палачам, слугам властей: ”Эх, царишко наш, блядьин сын, и что ты над собою сделал?!” Именно — ”над собой сделал”, душу-то свою загубил, приказав пытать, убивать. Христианская любовь — это, как видно, жалость, сострадание — даже к палачу, не ведающему, что творит, да? В конце концов, даже и ”железный” Феликс — всего лишь жалкий, ржавый ”винтик” своей Партии. А сказано ведь, что ненавидеть надо грех, а грешников — пожалеть, если они раскаялись...

— Но они пока и не собираются каяться! — вздохнула она. — Я пришла в ужас, когда услышала, как Феликс бахвалился, в кабинете у тебя, что это он ”сделал” нашу внучку. Так вдруг обидно стало, сердце оборвалось... А потом и ты ушел с ним куда-то ”дискутировать”. Боялась, что убьют тебя в какой-нибудь подворотне, им же не привыкать. А внучка и в самом деле, кажется, похожа на Феликса... Но я уже поборола в себе эту неприязнь: ребенок-то не виноват, не выбирает себе родителей. Воспитаем — наша будет, хорошо?

— Она и так наша, как и Сергуня, и все детишки российские. Они же не виноваты, что в России — палачи взяли на себя функцию ”отцов”, быков-производителей. В детском садике уже прикалывают детишкам звездочки Октября... Пом-

нишь, что и Олеженьку — Коммунар Иваныч в метрике записал "Октябрем". Я виноват: тогда смалодушничал, убежал из Москвы — очень уж ненавидел Коммунара с его дачей...

— Не надо об этом! — побледнела она. — Слишком страшно вспоминать, как "осчастливил" он нас, пока родители сидели. И сестрица его — такая же гиена партийная: внука своего, "Патриота", приобщила к номенклатурной гниль. Россия, дескать, принадлежит им, только им, как наследникам Октября. Поэтому — им разрешается хапать и лапать, бесконтрольно. Патрик воспользовался, что Машенька вернулась из эмиграции одна, без матери, "заделал" ребенка. А потом стал ей пудрить мозги, что надо непременно вернуться на Запад, ибо в России она погибнет с ребенком от голода и холода...

Лев Николаевич протянул жене дневник сына, перепечатанный на машинке: — Олег тут подробно пишет, скоро опубликуем. И Татьяна мне в больнице рассказывала, что дочь мечтала жить в России, а Патрик изобразил из себя "диссидента", рвущегося на Свободу. А когда увидел, что игра сорвалась, то не пришел даже навестить умирающую Машеньку. Татьяна потом еще два месяца нянчила Сергуню в Москве, Патрик ни разу не зашел даже взглянуть на сына! Все это в духе нечаевщины советской.

— А ты виделся с ним в Москве?

— Да, милая, видел пару раз. Сереженька — вылитая копия папаша. Помню, "Патриот" и мне втирал очки: "Умные люди должны бежать из России, пока не поздно, а дураки — пусть подыхают здесь!" Я спросил: чего ж он не оформил себе документов на эмиграцию, ведь теперь за это не сажают. А он, нагло ухмыляясь, процедил: "Зачем же я буду портить карьеру родителям? Да и меня могут в армию загрести!" Короче говоря, хотелось ему "сладкой жизни" на Западе, не расставаясь и с номенклатурными привилегиями родни. Татьяна долго не могла привыкнуть к тому, что внучек слишком уж похож на Патрика, погубившего ее дочь. А теперь вот и мы должны растить тут Коммунаровского отпрыска! А где взять силы?

— Ничего, Левушка, выдюжим. Сергуня же не виноват, что такой папаша подвернулся... Вместе с Верочкой и воспитаем. Она вон тоже на Феликса похожа, как две капли... Если воспитать их в Свободном мире, в любви ко Христу, то они уж не будут принадлежать Мафии. Вырастут в нашем саду, как Адам и Ева, авось от них пойдет новое поколение России, Христианской ...

— Твоими устами да мед пить! — рассмеялся профессор. — Утопия красивая, конечно, если абстрагироваться малость от

земной реальности. Но надо заставить казенных ублюдков, чтоб вернули тебе гражданство! Дети должны расти в родном саду, пусть и убогом...

Заканчивая свои комментарии к Завещанию и дневникам, профессор отобрал для книги лучшие фотографии Олега. Пристально всматривался в знакомые черты... Да, кажется, похож немного на Коммунара? Но глаза умные, со смешинкой... И волосы светлые, как у меня в молодости... Ну, чей ты, сынок? Конечно, "тайна сия велика есть". Но, одно из двух: или человек есть творение Божие, или — бездушное животное, "материя" примитивная. Тогда, естественно, "врагов" своих мы имеем право уничтожить безнаказанно, как бешенных собак или крыс во время чумы. И я вот ненавижу Коммунара с Феликсом — почти физиологически, за черты их лица, походку, запах, как животных... И в лице Олега, внучат, отыскиваю ненавистные мне черты "врагов". Безбожно это? Но ведь Феликсы с Коммунарами сделали нам столько зла!

Лев Николаевич поднялся, закурил... "Возлюби врага своего"? Легко сказать... Они сами воспитали меня, с раннего детства, в духе лютой ненависти ко всем "врагам"! Я понимаю, что Идеологию эту придумал не Коммунар Иваныч и не Феликс. Сами по себе они люди бездарные, средненькие: в нормальном обществе они никогда бы не сделали такой блестящей карьеры. Ну, а если они, как и подавляющее число номенклатурщиков, всего лишь "винтики", то зачем их лично так ненавидеть? Недостойны они моей ненависти.

Да, теоретически это все хорошо. Но когда я вспоминаю их лица, то меня начинает трясти от бессильной ярости: как смеют они распоряжаться нашими судьбами?! В ненависти к этим ничтожествам, вершащим судьбы Мира, я и сам скатываюсь до их уровня... Я вспоминаю, как еще в детском садике, потом в школе, в университете, они натаскивали меня, как охотничью собаку, распознавать "врагов" по чисто внешним признакам, физическим, физиологическим...

Мы, дети, безошибочно различали вокруг себя "наших" и — "ненаших", то есть, смертельных врагов. Например, все русские цари, аристократы, дворяне — всегда изображались мерзкими пошляками, кровопийцами. Ну, были, конечно, исключения: Пушкин, Лермонтов, или вот еще — Радищев, декабристы. Но "исключения" эти среди дворянства — лишь подтверждали правило: до революции безнаказанно убивали

всех честных, талантливых, благородных, вступившихся за простых русских людей, вечно голодных, униженных, больных, беспомощных... Народ был хорошим, потому что проливал свою яркокрасную кровь во время восстаний, как и Спартак, коммунары... А враги народа — тряслись над своей голубой кровью, только и делали, что жрали, пьянствовали, развратничали. А при этом они и по-русски даже говорить не умели толком, вроде иностранных шпионов...

Вот на экране появлялся сын нищего рыбака — Ломоносов, с простым честным лицом, как у пролетариев всех стран. А вокруг народного гения кишмя кишат всякие царские подонки, желая погубить нашу русскую славу! А вот — Радищев на каторге. Куда он ни посмотрит, хоть налево, хоть направо, — всюду видит одних нищих, убогих, из которых царь высосал кровь, до последней капли...

Кстати, теперь исполняется 200 лет со времени начала несчастного "Путешествия" Радищева (будто он был иностранцем, "путешествующим" по чужой стране?). А нам, детям, тогда представлялось, что "Путешествие" происходило накануне Октября. Педагоги наши очень ловко умели "сближать" события, чтоб сильней ударить по детской душе. И вот, навстречу Радищеву, из эмиграции едет в Россию другой Путешественник, великий Ленин. Идет война, но Ильич не боится немцев, смело чешет по территории врага, как Илья Муромец. Пришел, увидел, победил: шарахнул по врагам Апрельскими тезисами — и народ поднялся на врагов! Отомстили простые русские люди — и за Радищева, и за Пушкина с Лермонтовым! (Это ли не русофобия?!).

Но вдруг, откуда ни возьмись, появились новые враги, еще хуже прежних: всякие там меньшевики, троцкисты-вредители, шпионы западные. Этих врагов тоже можно было легко различить по внешнему виду: хитрые, интеллигентские глазки, прикрытые пенсне, кривая усмешечка, (дескать, не постройте вы никогда социализма!). Но мы — построили! И тут вот — двинулись на нас полчища фрицев, чтоб растоптать наш социализм. Но — мы их шапками закидали!

Фрицев можно было легко узнать на экране, даже если сидел в заднем ряду. Фриц — это тупое животное, вроде свиньи. Его бьешь, чем попало, и он сразу валится, похрюкивая. Бывают фрицы с веснушками на роже, или с губной гармошкой, как недоразвитые школьники. Фрицев этих было, наверное, 100 миллиардов: мы их били четыре года, днем и ночью, а они все лезли и лезли на нас!

Ну, а когда перебили всех фрицев, то пришло время взяться за новых врагов — "космополитов". Это мы так жидов

звали: наших и чужих, которые в Израиле притаились. Мы их бьем уже 45 лет, а их все больше и больше, — поэтому жратвы у нас все меньше и меньше... Включи сегодня радио — и опять услышишь дрожащий от праведного гнева голос диктора: израильтяне ради потехи убивают детишек, оккупируют зачем-то чужую территорию... Вот-вот — и нас поработят. Социалистическое Отечество в опасности! (Трагедия Нагорного Карабаха нам ничего не объяснила?).

Как же после этого "неформалам" не ударить в Набат: "Бей жидов, спасай Россию!" Сплотимся вокруг Партии, Армии, КГБ!" Феликсы, конечно, недаром глотку дерут (за валюту): надо оправдать начальство, выбросившее на восточный ветер сотни миллиардов! Очень уж им хотелось вырезать израильтян, прикарманить арабскую нефть: тогда Запад подохнет, наконец, от экономического кризиса! А братская, интернациональная помощь — вот она, наготове: "броня крепка и танки наши быстры!"

Что посеешь, то и пожнешь... 73 года мы воспитывали народ в ненависти к Западу, с его "порочной" частной собственностью, "ужасным" рынком... "Не хотим мы никаких Реформ! Зачем же революцию делали, Гражданскую войну, коллективизацию, если опять — частники буду пить нашу кровь?!"

Безбожная ненависть, зависть, паразитизм — стали нашей второй натурой за 73 года. Ленин и теперь "живеет всех живых", а дело Октября свято, — так и сегодня Партия учит... О какой же "перестройке и гласности" может идти речь? Не пора ли кончать блядскую игру? Это вот и есть — русофобия Партии: боится она собственного народа, как черт ладана. Поэтому и спешат они выдумать новых "врагов": свалить все на литовцев, армян, евреев, на Межрегионарную группу депутатов, на "разнузданную" прессу... Ненавистничество — в крови у нас, надо только умело, по-ленински, использовать озверение масс, — для удержания власти!

Не случайно Ленин объявил беспощадную войну Церкви, которая учила: "любите врагов ваших". Как же сварганить Революцию, если все захотят любить друга друга, пойдут на гнилой компромисс?! Нет, нет, и нет! Без классовой ненависти и марксизм перестал бы быть Наукой! История бы остановилась... на Учредительном собрании?! Но, "есть такая Партия", — 20 миллионов хотят есть, а у каждого семья...

В самом деле, и их надо понять. Помочь, с любовью, переqualificироваться, на другую работу перейти...

Ну, спать пора... Профессор закрыл глаза. И опять всплыла ухмыляющаяся, самоуверенная рожа Феликса...

”Ильяч искренне любил детей — это же будущие строители коммунизма на всей Земле!”

(Из газет, к 120-летию Ленина) .

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

12

Профессору пришлось ”вплотную” заняться детьми. Дело в том, что Настасия Ивановна схватила вирусный грипп, пришлось ее ”изолировать” от детишек. А жена была еще слаба после инфаркта, не рекомендовалось ей перенапрягаться. Вот и получалось, что Льву Николаевичу надо пока отложить работу над книгой, обратиться лицом к ”живым людям”, то есть, к грудным младенцам, ”будущим строителям коммунизма”, которых и сам Ленин безумно любил, как утверждали советские газеты к 120-летию бессмертного Вождя...

Профессор поначалу проклинал свою судьбу эмигрантскую: вот, из-за великого Ленина пришлось переквалифицироваться в няньки... Да и то сказать, какой я нынче ”профессор” — ведь работы университетской уже нет и, вероятно, не будет. Пока я числился на Западе советским ученым, пропагандирующим великие достижения ”перестройки и гласности”, то все университетские аудитории с восторгом встречали меня. А теперь, став ”реакционным эмигрантом”, не могу уж больше рассчитывать на любовь западных коллег, преданных светлым идеалам социализма (с человеческим, конечно, лицом). Хорошо им тут, на Западе, пользуясь всеми благами капитализма и демократии, мечтать об ”идеальном” обществе — социалистическом...

Один ”прогрессивный” профессор даже съезвил: — Ну, коллега, у вас теперь есть частная собственность — жена и дети! Капитал только остается сколотить, раз уж вы ”Свободу выбрали”! Попробуйте разбогатеть на книгах, которые вы пишете, чтобы ”разоблачать” социализм. Не забудьте только, что эмигранты книг не покупают и не читают. Как заметил ваш классик: ”В эмиграции каждый читает только то, что сам и написал”. Постарайтесь прорваться на западноязычный рынок, но для этого вам придется выдумывать какие-нибудь сверхужасы шпионско-сексуальные, хе-хе... Да, батенька, это вам не в СССР жить, как у Бога за пазухой, где Партия по-матерински лелеет свои научные кадры...

Ну, ладно, черт с вами, буду гнить при капитализме. Раз уж детишки — моя частная собственность, то с голодухи смогу ими воспользоваться: поджарю и слопаю с хреном моих

поросяточек. Души их, помахая крыльшками, полетят прямо в рай: "Летите, голуби, летите, для вас нигде преграды нет"...

Круглые сутки занимаясь детьми, профессор вдруг с ужасом начал осознавать, что до этого — совсем не знал жизни и Бога... Дьявольская "игра" с Феликсами завела нас всех в бездуховный тупик: коммунистическое человеконенавистничество и нас затянуло в свой омут, даже если мы и норовили стать "по другую сторону баррикад"! Детская колыбелька и молитвы к Господу о здоровья детей — несовместимы с баррикадным угаром, по какую сторону ни становись...

Другое дело, если вы заранее решили воспитывать солдатиков революции, но тогда и вырастут у вас — бесы, а не люди. Дьявольское напряжение "борьбы за светлое будущее" — непременно передастся детям: вырастут Феликсы и Коммунары, способные только ненавидеть, разрушать.

Светлым — должно быть не "будущее", а настоящее, теперешнее! Светлая улыбка родителей, светлое настроение — и детям передается Дух Святой — любовь, воспринятая от Господа нами, всеми предыдущими поколениями. Цепь времен и была порвана в Октябре.

Занимаясь детьми, Лев Николаевич вдруг с радостью почувствовал, что уже не различает в их личиках явного сходства с Феликсом, Патриком, Коммунаром: "вражеские" черты (черты?) вдруг растворились, растаяли, растопились — от чистой детской улыбки. Беззубые ротки, простодушные глазки — светились Божественной добротой, когда ты сам им дарил свою ласку, терпение, любовь. А это вовсе не было так легко, "само собой" получающимся, "автоматически"...

Иногда они ночью просыпались в "неположенное" время, но нельзя и за это сердиться, раздражаться: значит, была тому серьезная причина, — не "нарочно" же они мешают нам спать. А иногда у Сереженьки или Верочки пропадал аппетит, надо было запастись ангельским терпением, не насиловать едой: природа свое возьмет, надо лишь повременить. Кормление должно быть радостью, а не наказанием.

Конечно, многое зависит от нашей грамотности, умения. Например, Сергуня был склонен к запорам: когда он тужился, то слезки появлялись на глазах. Господи, за что же страдает это беспомощное тельце?! А за наши грехи и страдает: надо ему больше давать кефирчика, морковного сока, наверное? А вот у Верочки очень болезненно шли зубки. Здесь уж, ка-

жется, не было нашей вины? Купили ей в аптеке специальные кружочки для десен: пожует — и легче, на короткое время. А потом — опять мучается. Как ни крути, а жизнь наша земная неотделима от страданий, аж до смерти...

Сначала профессор и сам посмеивался над своими "глобальными" теориями: очень уж "незначительными" могли показаться ученым коллегам эти несмышленные детишки, "безыдейные", животненькие... Но дело в том, что всю свою предыдущую жизнь он общался в СССР с "высокоидейными" профессорами, аспирантами, студентами, жаждавшими сделать карьеру в нашей ... "исторической науке". Души их были загублены, отравлены жвачкой ленинских "идей". Они и сами не верили тому, что пишут и говорят: "так надо, Федя!" — старый анекдот о том, как мы "завербовали" Фиделя Кастро, чтобы забросать Америку нашими ракетами. Но самое смешное, что заокеанского "Федю" даже и не надо было вербовать. Как и миллионы зарубежных социалистов, он, вероятно, в юности питался той же самой марксистско-ленинской жвачкой, что и советские школьники... Жвачка эта, предназначенная Энгельсом и Марксом для коммунистической Обезьяны, стала "детским питанием" и для Ленина (сначала Плеханов сам старательно пережевал — и всунул в ротки наших юных социал-демократов).

Обезьяне, конечно, не нужна была ни семья, ни частная собственность, ни национальное государство. Пролетарии всех стран, как известно, отечества и нации не имеют. Здесь вот и коренится русофобия, юдофобия, тотальная коммунистическая фобия — к любой национальной культуре, религии, к человеческой душе, живущей "не хлебом единым"... Так вот и русских (и евреев, татар, все 100 народов) — заставляли, кнутом и пряником, отречься от своей Веры, стать "советскими людьми"...

Вопросы религии были самыми трудными, мучительно неразрешимыми и для профессора: как все советские, воспитанные Коммунарами, он долго не мог преодолеть в себе примитивного материализма, отрицавшего Творца. Эмиграция, как и для многих, оказалась целебной... "Творцом" советской жизни был Антихрист, Ленин, — и это уже само по себе ставило под сомнение существование Бога. А теперь вот, вырвавшись, наконец, из ленинского "творения", удалось обнаружить Божий Мир, неподвластный дьявольской Партии.

Ленинское "творение" оказалось всего лишь раковой опу-

холью — на месте разрушенной ткани, но сохранившейся, с Божьей помощью, в других странах. А если сегодня удастся излечиться полякам, немцам, чехам, венграм, то чем же мы, русские, хуже других? Понятно, что нам труднее — после 73-х лет беспамятства...

Книга, наконец-то, вышла в свет... А на другой день Лев Николаевич вынул из почтового ящика странную открытку, адресованную жене. Не было почтового штемпеля и обратного адреса. Наверно, кто-то собственноручно бросил в наш ящик. Весь текст был отпечатан на пишущей машинке, с минимальным интервалом: "Русофобская ваша книжонка — это 12 ударов ножом в спину России! Как вы посмели защищать фашиствующих прибалтов, которые поносят русский народ, называют нас "оккупантами"?! Муж твой, недоделанный "профессор" — скрытый сионист, ибо его мать — жидовка! Раньше мы еще ценили заслуги его отца, как и твоей матери, перед Россией. Но теперь вы все, с детьми, — заплатите жизнью за русофобскую книжонку! А Россия, вопреки вашим стараниям, навеки останется Великой Империей!

И подпись: "Патриоты".

Лев Николаевич прочел еще раз, спрятал в карман... Только бы жена не узнала, а то — опять инфаркт! Они же профессионалы: бьют по самому больному месту. Конечно, это Феликс состряпал — его стиль, аргументы. Разыскать бы его теперь, набить морду! Но они, вероятно, как раз и ждут такой реакции, зацепки, чтоб расправиться... Господи, до каких же пор вся эта казенная продажная мразь будет изображать из себя "Патриотов"?! Где взять силы...

Профессор вернулся в квартиру, стараясь весело что-то напевать... Но жена с беспокойством спросила, вглядываясь в его бледное лицо: — Что-нибудь случилось? Была уже почта?

— Нет, ничего не было... Просто я переутомился, кажется, из-за выхода книги...

— А ты, родной, отдохни в кабинете. Тетя Настя уже выздоровела, я вместе с ней займусь детьми, не волнуйся.

Профессор закрылся в кабинете, лег на диван, чтоб вздремнуть. Но вдруг резко поднялся, сел писать ответ "Патриоту". Исписав несколько листов, спохватился, что ведь нет обратного адреса на открытке: кому посылать? Феликс, конечно, сделает удивленное лицо, даже еще и посочувствует... Ну, а легко распознаваемый стиль, аргументы — это лишь "косвенные" улики... Оно и верно: среди нескольких милли-

онов этих Феликсов, ”думающих” одинаковым образом, трудно найти конкретного автора, ответственного за свои поступки. Театр марионеток...

Ну, ладно, поговорим хоть с обобщенным Анонимом. Прежде всего, вы не имеете права называться ”Патриотами”, ибо печетесь о здравии коммунистического режима, не имеющего ничего общего с Христианской Россией, с прежней Империей. Когда народы насильственно созданных вами ”социалистических республик” именуют вас ”оккупантами”, то бьет это не по русскому народу, а по вашему ублюдочному режиму. И русский народ скоро скажет вам: ”Оккупанты большевистские, убирайтесь вон, в Чернобыль!” Вот чего вы боитесь! Поэтому и норовите перекраситься в ”патриотов”, в ”защитников” русского народа, изобретаете ”русофобов”...

Обвиняя прибалтов в ”фашизме”, вы еще раз пробуете разыграть ”интернациональную, антифашистскую” карту времен сталинщины. В этой связи вы пробуете использовать в своих интересах и заслуги борцов Сопротивления (преданных вами, выданных на растерзание Гитлеру). Из-за вашего тайного сговора с Гитлером погибло 6 миллионов евреев и 30 миллионов русских. Вы и сейчас губите народы, любой ценой удерживая свой людоедский режим. Вы сами себя разоблачаете, приписывая мне ”тайный сионизм”. Свободный мир, приютивший меня, как и миллионы других россиян, не нуждается в каких-либо ”тайнах”, высосанных вами из анонимок, состряпанных вашей же агентурой. Если бы я был сионистом, то жил бы в Израиле, как бы трудно ни приходилось на первых порах.

Фашистская ваша практика — в оценке людей по их ”составу крови” — лишний раз доказывает, что ”дружбы советских народов” никогда не существовало, что СССР неминуемо распадется, или, не дай Бог, взорвется...

Лев Николаевич накурился до одури, открыл окно... Нет, не успокоюсь, пока не набыю Феликсу морду! Увы, это слишком уж по-русски, хоть и записал он меня в ”тайные евреи”. Но он обязан считаться, черт побери, с реальными фактами. Мы же в детстве росли с ним вместе, он прекрасно знает, что я не обрезан, носил всегда крестик, в отличие от него, нехристя! А если бы моя мать и в самом деле считала себя еврейской, то, будучи принципиальной, искренней, сделала бы сыну обрезание, как это заведено у истинных иудеев, мусульман...

Вера, однако, не принимается в расчет коммунистическом режимом. Зато они, как и гитлеровцы, исключительное значение придают ”чистоте крови” — главное условие быть принятым на ”сверхсекретную” работу. Феликс этим и гордится.

А я вот считаю, что "чистая" кровь Феликсов не имеет ничего общего с традициями Христианской России. Не могут считаться "русскими людьми" все эти ждановско-ежовские выблядки! И пока их партия стоит у власти — "патриотизм" Феликсов будет служить Антихристу, а не России. Жалко только наивных простаков, поверивших красивым фразам Феликсов о любви к Родине... Фразы эти сочиняются в казенных кабинетах, как и в 1941-45 годах, когда Смерш мордовал армейцев, посмевших усомниться в "мудрости" Партии. Генерал Григоренко, Солженицын, тысячи других фронтовиков, — свидетельствуют о "заслугах" Партии, Органов.

Георгий Владимов талантливо обобщил все это в книге "Генерал и его армия". Рушится последний, самый устойчивый миф о "патриотической" роли Партии в годы войны. Не случайна же предательская роль ленинской партии в Первую мировую войну. Не говоря уж о войне Гражданской, ставшей прямым следствием Октябрьского путча и разгона Учредительного собрания. Голод в России — тоже "работа" Партии...

Партийный "патриотизм" в области науки хорошо известен. Лысенковщина была "научным" приложением к кровавой коллективизации. Физики российские тоже были бы истреблены Партией, если б не спешная сверхзадача по созданию атомной бомбы — для сохранения своего режима. Наука была поставлена на службу "оборонной" промышленности — во имя уничтожения Христианского мира.

Как известно, Чернобыльские реакторы тоже работали на будущую войну: любой ценой гнали "план", пусть и с риском для собственного населения. Таков "патриотизм" Партии. Катастрофа Чернобыльская не была "случайностью". Это все та же партийная "научность", что и в Октябре 17-го, когда они произвели эксперимент со своим первым Чернобылем. "Патриотизм" ленинский и тогда уже был очевиден, не только в плане абсурдной "мировой революции". Немецкий генштаб не жалел денег для Ленина — этого не может отрицать сегодня ни один историк, знакомый с документами. Да ведь и само понятие "патриотизм" считалось большевиками "крайне реакционным" до тех пор, пока вся власть не оказалась в их руках. Так вот и сегодня с "патриотизмом" Феликсов... Гнать их в шею — вот и будет лучшее проявление любви к России, не так ли? Так-то оно так, да вот слишком много еще легковых "патриотов" покупают они...

Лев Николаевич постепенно остывал в своей ненависти к Феликсу: личная обида вытеснялась более важными проблемами. Это, наверное, лучшее лекарство: меньше думать о себе, а больше — о России, о ее страданиях.

”... кто был ничем, тот станет всем!”
(”Интернационал”)

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

16

Поток анонимок не иссякал, но профессор овладел уже ”научным методом”, лишь улыбался... Тщательно анализируя тексты, Лев Николаевич уже не воспринимал их как личное оскорбление. ”Работа такая” у товарищей офицеров, на что ж обижаться? Но, прямо скажем, не взирая на личности (благо все они — ”анонимы”) — работа халтурная. Например, они долго и упорно залугивали меня западной разведкой, которой, дескать, все известно о преступной деятельности моего отца: ”грянет гром — и поразит тебя, чекистский паразит!”

Остроумие — ниже среднего. А главное, они плохо знают Запад: дети, внуки — здесь не преследуются за грехи своих родителей. А так как я не занимаюсь шпионажем, то и бояться мне нечего. Конечно, на Западе тоже, как и в СССР, срывается иногда механизм ”подозрительности”. Но есть принципиальное различие: западные Органы, в отличие от советских, должны располагать точными доказательствами о подрывной деятельности подозреваемого. Из грязного же пальца анонимщика — здесь не высасывают ”статьи”, не преследуют.

Печально лишь одно: впустую тратятся (в валюте!) народные средства. Методы ”анонимщиков” — явно устарелые. Не организовать ли для вас — курсы переквалификации? Например, как и 70 лет назад, в качестве ”крыши” вы используете крайне правые политические организации, их прессу. В эпоху Гражданской войны это еще имело какой-то смысл. А теперь — явный анахронизм. Например, Солженицына вы ”разоблачали” как ”сталинского агента”, ”чекиста”. Читающая публика только посмеивалась над вашей халтурой.

Но, тем не менее, я тщательно собираю и изучаю ваши анонимки: они дают представление об актуальных лозунгах, используемых вами в ”политмассовой работе”. Например, с пеной у рта защищая ”Единую и неделимую Империю”, вы делаете ставку и на ”консервативное мировоззрение”. Происходит ловкая подмена понятий: ведь христианский консерватизм, истинный монархизм, — не имеют ничего общего с ”кончерватизмом” Ниночки Андреевой, радеющей о возрождении РКП (ленинско-сталинской ”Российской” компартии). Я понимаю, конечно, что Ниночка — это не фигура, за ней стоят могущественные Анонимы.

Короче говоря, анонимность — главный признак вашего режима, партии, созданной Лениным для подпольной борьбы, захвата власти. "Перестроиться" вы не можете, ибо тогда рухнет вся система, построенная на терроре, запугивании. КГБ ведь и по сей день наводит страх на всю страну, мешая лучшим людям проявлять свободную мысль, инициативу. Поэтому всем давно уже "все до лампочки". Анонимность миллионной агентуры хороша только для убийств, но не для созидания, творчества. Дзержинский все еще красуется в центре столицы, напоминая о сущности вашей системы. "Новое" мышление ваше — всего лишь пропагандистский трюк.

Коммунистическая обезьяна, бывшая до Октября "ничем", надеялась, что захватив власть, станет "всем", как пелось в "Интернационале". Но абсолютная власть над обществом людей — лишь чисто внешне придала обезьяне "импозантности". А генсек Брежнев даже и внешне напоминал обезьяну, хоть и обвешенную орденами Ленина, звездами Героя. Анонимные "литераторы" пишут за Обезьян-генсеков толстые книги, сочиняют за них "перестроечные" доклады, производящие благоприятное впечатление в ООН... Но когда Обезьяне приходится говорить самой, без подсказки анонимных референтов, то людям становится дурно. Животное есть животное, ничего не поделаешь: оно умеет только грозить кулаком, брызгать зловонной слюной, ссытаться на "гениальность" Ленина, доверившего обезьянам всю полноту власти.

К несчастью, даже чисто обезьяньи достоинства — резко ухудшились за 73 года их власти. Раньше они умели хоть бананы сшибать палкой для собственного пропитания, а в период подпольной борьбы — проявляли даже некоторое самопожертвование. Ах, где оно, это героическое прошлое, чистый идеализм?! Может, стоит им всерьез "перестроиться"? Научиться опять добывать себе пропитание, но не в колхозе, а индивидуальным порядком, честно, собственноручно, своими палками сшибая бананы? Трудно? Ну, не умеете — научим, а не хотите — заставим, как говорили чекисты. Иначе — отдадим вас в зоопарки, на Западе и валюту получим...

Нет, "никогда-никогда коммунары не станут рабами", не уйдут в зоопарки. Обезьянам привычнее (и доходней) засесть в райкомах, обкомах, ЦК, учить уму-разуму людей. Недаром же они обучались "Азбуке коммунизма" еще у Бухарина (вот и восстановили его в Академии). На горе нам обученная грамоте, обезьяна напяливает на узкий лобик генеральскую фуражечку и бормочет что-то о "патриотизме", о высших принципах, которыми нельзя, дескать, поступиться...

А принципиальную-то обезьяну даже и в зоопарк не возь-

мут: там ценят только нормальных, естественных зверюшек. Ну, хоть ты тресни, а "перестройка" с такими членами — ни тпру, ни ну! Смех и грех...

Но, как говаривал генералиссимус (не ваш, а Суворов) — безвыходных положений не бывает. И народная смекалка подсказывает: ваши обезьяны шкуры сгодились бы на детские шубки. 20 миллионов детишек вы могли бы осчастливить своей шкурой, — это же грандиозно, в духе великих строек коммунизма! А если хорошо обработать, то обезьяньи шкурки и за валюту пойдут, — вот и патриотизм бы проявили! И для чистых рук чекистов была бы работа (соскучились, орлы, по большому делу?). В очередной раз сдирая шкурку со своих членов партийных, не забывайте напоминать и об идейной цели: "Великий Ленин, Дзержинский, учили любить детей, — не пожалеем же своей шкуры, товарищи!"

А в самом деле, если Революции дозволялось пожирать своих детей, то почему же нельзя и наоборот? Диалектика марксистско-ленинская чему учит? Не мертвая же догма, а руководство к действию, верно? Ну, товарищи, дружно за работу, засучим рукава...

17

Обезьяны анонимные, еще не обесшкуренные, прислали профессору новую анонимку: "Негоже свою антисоветчину прикрывать религиозностью! Религия не должна служить политике! Как ты смеешь оскорблять Николая Гаврилыча Чернышевского, русского писателя, приписывая ему высказывание персонажа, ляпнувшего случайно о "рабстве русских"?! Ленин случайно повторил, а ты и рад съехидничать?! Смотри, пожалеешь..."

Лев Николаевич внимательно прочел, приобщи́л к предыдущим анонимкам... Ну, спасибо коллеги, охотно отвечаю. Если уж вы Чернышевского величаете "писателем", то и я воспользуюсь теми же правами: не приписывайте мне высказываний моих персонажей! Персонажи, например, кроют вас матом, а я — не употребляю нецензурных выражений. Что же касается Чернышевского, Ленина и прочих революционеров, то они отнюдь не случайно "ляпали" о русском "рабстве". Все истинно русские — Рабы Божии, — а это вот и бесило воинствующих атеистов.

Теперь об "антисоветчине". За то, что "ляпнут" мои персонажи — не отвечаю, ибо они живут по своим законам (сатирического жанра). А я — за переход всей власти Советам (но не обезьяньим, конечно).

Относительно же того, что религия не должна служить политике, можно бы согласиться... Если вы первыми перестанете использовать Церковь (как последние 70 лет) в целях вашей партийной политики. Но независимая Церковь — всегда будет противостоять засилию атеистической диктатуры. Это — не "политика", а сущность любой Веры!

Ну, а что касается лично меня, моего пути к Вере... Анонимные обезьяны ударили тут, как обычно, по самому больному, интимному... Да, без поллитры тут не разберешься!

Лев Николаевич прикрыл дверь кабинета, извлек из тайника бутылку водки... Ага, надо свет потушить — все равно уже скоро ночь... Ох, хорошо пошла, родимая! Теперь — лечь на диван, прикинуться спящим, если кто войдет... Почему бы не устроить себе ночной просмотр многосерийного фильма — о потемках собственной души?

Сегодня как раз моя дата: в ночь на 17-е я в отрочестве любил отыскивать "страшную" звезду... Да, моя Вера началась, кажется, с детского суеверия. Я знал, что до 17-го года отец мой был царским офицером, пока все не полетело к чертям собачьим... Потом, много позже, отца они расстреляли, маму посадили, меня законопатили на дачу Коммунара... Но душа боевого офицера, моего отца, отделилась от России еще в 17-м! Так получилось, что эта цифра казалась мне дьявольской: я со страхом вчитывался в 17-ю главу каждой книги, а на экзаменах боялся 17-го билета...

Конечно, путь мой к Вере был изломанным, болезненным. В эмиграции я понял, что до 1917-го в России, как и теперь в Свободном мире, путь к Вере был для детей простым и естественным. Оцерковленна была вся жизнь, от рождения до смерти. Дети, вместе с родителями, ходили в Храм, отмечали все Праздники, как заведено веками в Христианской стране.

А после 17-го — партийная "образованщина" привыкла считать каждого верующего интеллигента либо шизофреником (подлежащим "излечению" в чекистском дурдоме), либо — хитроумным антисоветчиком, которого следует "разоблачать", сгноить в лагере. Только на убогих церковных старушек смотрели сквозь пальцы: "пережиток проклятого прошлого"... Это ли не партийная русофобия?

Каждый верующий, чудом уцелевший от геноцида, не без основания мог считать себя святым, юридическим. Веру свою — передавали другим "подпольно", что накладывало особый отпечаток на душу. Покойная Татьяна, помнится, умерла от "Страха" перед тотальным насилием атеистического режима. А я, кажется, с детства заболел гордыней: так сладко чувствовать себя "особенным" в стаде обезьян...

НОЧЬ

Лев Николаевич допил водку, крикнул, посмотрел на часы... Черт подери, уже началось проклятое 17-ое число! Утром надо ждать какой-нибудь мерзости. Или новая анонимка, или, по дороге в магазин, советская обезьяна сбросит мне кирпич на голову... Как там было у Пушкина? "Иль мне в лоб шлагбаум влепит непроторный инвалид". Надо, конечно, перестать пить — в честь дня (т.е. ночи) рождения...

Хотя, как ни крути, а советская ночь — самая черная в мире ночь, ибо советское — значит лучшее. Ведь чем темнее ночь, тем ярче горят звезды старой русской литературы, истории. Они были общедоступны: протяни руку к книжной полке — и всю ночь можешь блаженствовать с Наташей Ростовою, или вообразить себя победителем Наполеона! Родители мои хорошо придумали, назвав младенца "Львом Николаичем"... Может, это и спасло мою детскую душу, не дало заблудиться в ленинской ночи?

Русская классика, если читать с любовью, непременно выведет тебя на путь Христианства. Беда лишь в том, что советская школа все 73 года пыталась убить эту любовь в детях. Если бы я не читал Толстого ночью, "подпольно", то звезды погасли бы для меня. Так началось противостояние, "антисоветчина", если угодно. Достоевский пришел ко мне позже: Коммунар Иваныч не держал его на своих полках... Старый ээк, интеллигент, уцелевший в провинции, куда мы однажды поехали на экскурсию, дал мне почитать "Бесов". Тогда вот я по-настоящему "заболел" Историей...

Мечталось: стану настоящим историком, академиком, докажу всему миру, что ваш Октябрь 17-го — это не "закономерность", а всего лишь гнусная случайность, провал в смердящую яму, из которой можно еще выкарабкаться. А был у нас такой случай: один мальчишка свалился в нужник, потеряв равновесие, не удержавшись на двух кирпичах... Вытащили его, отмыли в деревенской баньке, но какой-то остряк потом напевал на мотив известной арии: "Куда, куда вы удалились... Пошли поср..., да провалились?" Где здесь закономерность, а где случайность? Наверное, настоящая-то закономерность не в падении, а в избавлении, не так ли? Конечно, большую страну тяжелее вытащить из нужника, но ведь "другого не дано", как принято говорить.

Здесь, к сожалению, и мне не удалось остаться чистым: долго еще придется отмываться от "общественного" дерьма. Дело в том, что сама атмосфера "научная" была зловонной. Что-либо "доказать" можно было лишь вооружившись

вашиими же инструментами, да еще и напялив на себя профессорский колпак, — иначе никто не поверит в "научность"... Заколдованный круг. Но помог случай: чудом уцелевший в университете "старый" историк посоветовал мне заниматься, прежде всего, Летописями, Крещением Руси. А если бы я начал изучать атеистическую "бесовщину" с конца, то погряз бы в "семейных" склоках между большевиками, меньшевиками, эсэрами, — так бы и не понял главного в истории России.

А главным "звеном" было, конечно, Православие, без которого невозможно истинно научное понимание русской судьбы. Я уж не говорю о роли Христианства в создании общечеловеческой, а не только русской Культуры. Но и Государство цивилизованное созидалось на Вере каждого народа. Игнорируя это, марксизм-ленинизм стал главным препятствием для научной мысли. Православие было для русских цементирующей силой, обеспечившей победу и над монголо-татарским игом, и над Наполеоном, и над Гитлером, и, надеюсь, над коммунистической тиранией.

Не случайно ведь, что польская "Солидарность" одержала победу над коммунизмом благодаря кровной связи с Христианской верой. Так же и в ГДР, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии. Вера помогла также народу Афганистана — это вот и есть научное объяснение: почему "мальчи" народ оказался непобедимым. Народ Израиля благодаря Вере сумел противостоять 100-кратно превосходящему противнику. Народ Финляндии — только благодаря Духовному стойкости — устоял перед коммунистическим нашествием. Народы Прибалтики — тоже победят. Русский народ, вернувшись к Вере, тоже освободится от ленинской мерзости.

Напрасно западные социалисты кричат об "опасности" русского национально-религиозного пробуждения. Христианская Россия — была и будет Духовным союзником всего Христианского мира, Европы и Америки в том числе. Другое дело, что Феликсы разжигают ненависть к Западу, к "капитализму", к "сионизму", всеми силами спасая свой "изм", свою кормушку, свою обезьянью шкуру.

"Научность" Феликсов развеялась, как дым над пепелищем. Человеконенавистничество марксизма-ленинизма, призывавшего к классовой войне во всем мире, сегодня скатывается к неприкрытому фашизму. Национал-социализм советский, разжигая ненависть между народами, сам же и разрушает свою "Империю". Саморазрушение — главный признак атеистической диктатуры, "бесовщины". Ленин, начав непримиримую войну против Христианства, Ислама, Иудаиз-

ма, против Веры всех народов, навеки опорочил идею социализма, "социального рая на Земле". Коммунисты и фашисты, поклоняясь Насилию, неизбежно становились оккупантами, куда бы ни приходили со своей "научностью". Если бы Гитлер и в самом деле был "антикоммунистом", как трубила его пропаганда, если бы немцы пришли в Россию как освободители, то коммунистический режим исчез бы к 42-му году. Но фашизм был лишь разновидностью марксизма-ленинизма, воевал против Свободного мира, против Бога.

Коммунисты и фашисты одинаково считали, что "научно" доказали свое превосходство над всем остальным человечеством: и те и другие происходили, дескать, от высшего сорта обезьян - от "арийских", "пролетарских", "высокоиндейных". Антихристовая общность всех "измов" — в отрицании общечеловеческой Духовности. Человек, созданный по образу и подобию Божьему, отличается от других не составом крови, не классовым происхождением, а степенью Духовности.

Бог — один для Вселенной, поэтому верующий человек должен уважать Веру любого народа, выросшего в неповторимой национальной среде. Только через свою национальную культуру, Веру, можно приобщиться к общечеловеческому. А нынешние хитроумные попытки коммунистов объявить себя сторонниками "общечеловеческих ценностей" — всего лишь б... игра!

Лев Николаевич поднялся, подошел к окну. Вопреки ожиданию — звезд не было видать, ночь выдалась сырая, мгlistая... Православным в СССР пришлось, кажется, больше страдаться, чем первым христианам в Риме. Вера большой нации — представлялась коммунистам особенно опасной. Ленин с Дзержинским сначала просто рубили сплеча: чем больше убить — тем лучше! Не учли они, что Вера лишь растет на крови мучеников. Джугашвили оказался хитрее: после того, как физически уничтожил весь цвет Церкви, во время войны "приласкал" нескольких иерархов. А что может быть позорнее для Церкви, когда иерарх вынужден с высокой международной трибуны прославлять своих палачей ("родную Партию и Правительство"). Позор этот — хуже смерти: Сталин знал, что делает...

Но более страшный удар был нанесен руками самого "народа". Каждый пионер, вызубрив таблицу умножения, старался стать "Человеком" — так обещала Партия! А что мог пообещать сельский батюшка? Рай на небе, ха-ха... Нет, ты нам здесь, на земле, подавай бессмертие, всякие блага! Если "пробиться в люди", стать космонавтом, чекистом, генералом, профессором, то вот и рай на земле, для своей семьи, по

крайней мере! Наука партийная, духовно кастрируя несколько поколений, воспитала миллионы алкашей, бандитов, воров-номенклатурщиков. Что же удивляться теперь зияющим ребрам пустых полок? Марксизм-ленинизм верно предсказывал в научных трудах: неизбежно наступит относительное и абсолютное обнищание пролетариата! Правда, капитализм не справился с этой задачей, обманул нашу Партию. Пришлось нам и в области нищеты "быть впереди планеты всей". Партия, разумеется, захочет закрутить гайки, но ведь резьба-то уже сорвалась: слишком часто прибегали к силовым приемам, механизм устарел...

Феликс с Коммунаром, как и прежде, возлагают все надежды на славные Органы. А напрасно. Если за 73 года им не удалось выявить и обезвредить всех потенциальных врагов, то теперь уже поздно. Да, они сумели заставить миллионы интеллигентов "играть" по своим правилам... "Победа" однако была чисто внешней: большинство — осталось "себе на уме", выжидая лишь подходящий момент, чтобы плюнуть в самоуверенную рожу Феликсов.

Коммунару остается теперь охмурять подростков байками о "великих разведчиках" ленинской выучки. Действительно, Ленин ловко использовал Коминтерн для шпионско-подрывной работы на Западе. Лучшие кадры разведчиков — были западного происхождения, из числа наивных идеалистов. Но как только они попадали в СССР, знакомились с реальной жизнью, то коммунистические убеждения их сразу же улечувывались. Приходилось их уничтожать, ибо нет более опасного врага, чем разочаровавшийся, обманутый идеалист.

Но некоторые, сжав зубы, продолжали бороться, чтобы сорвать "большую игру" Сталина с Гитлером, надеясь одолеть обе разновидности тоталитаризма... Жукову удалось потом нанести решающий удар по сталинщине, добить Берия и Молотова, иначе бы Хрущев не справился. Но партаппарат Жукова боялся, зато вознес сталинского политрука Брежнева. На 25 лет заморозив Реформы, коммунисты сами себе вырыли могилу. Черт с вами, туда вам и дорога. Страшно только, что вы и Россию норовите вместе с собой похоронить. Обещал же Ленин: если нам придется уйти, то мы так хлопнем дверь, что мир содрогнется!

Лев Николаевич перекрестился, отгоняя черные мысли... Если бы жене вернули гражданство, то хоть сегодня вернулся бы в Россию: погибать, так уж всем вместе, на родине! Помоги, Господи, несчастной России...

Вспомнилось вдруг: "И я упаду, пораженный своею победой, когда я вернусь... Ты только не смейся..."

”Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...”

Тютчев

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

18

Жена приоткрыла дверь, спросила шепотом: — Не спишь тебе, Левушка? А я вот покормила деток, укачала... Слышу — ходишь по кабинету... Ночь ведь еще. Ты в последнее время плохо спишь, а днем слишком много кофе пьешь... Что-нибудь случилось? Книга твоя имела успех, надо следующую писать. Без дела в эмиграции нельзя — свихнуться можно...

Он устранился от ее объятий, гневно ткнул рукой в угол, где высилась гора его книг: — Вон они лежат, гниют, хоть и свежеизданные! Зачем же еще одну книгу писать?! Читать-то некому! Ждать, пока детишки в эмиграции подрастут, читать по-русски научатся? Будь проклят тот день, когда я послушался тебя, остался на чужбине! Прав был немецкий коллега: тут, чтобы пробиться на ”свободный рынок”, надо быть или сверхгением, или шарлатаном, стряпать сексуально-криминальное г... Или — не писать по-русски!

Жена отошла к окну, пряча заплаканное лицо. Лев Николаевич смутился, обнял ее за плечи: — Ну, прости... Я ведь еще совсем ”молодой” эмигрант, хоть и борода седая... Поздно мне начинать ”новую жизнь”...

— Никогда не поздно! — улыбнулась она. — Надо только прислушиваться к мнению опытных. Я же предупреждала: не издавай две тысячи экземпляров. Вполне достаточно и 500 штук, на первых порах...

Он опять взорвался: — Нет! Я не студент уже! Таким тиражом мы в России издаем только юношеские ”пробы пера”! Кроме того, я надеялся, что ихняя ”перестройка и гласность” откроет путь хотя бы для книжек... Но пакеты пропадают: говорят, что ”обычное хищение”. А если посылась заказным, то стоит дороже, чем сама книга! Но мы же не капиталисты! Мне жалко каждый грош — будто у детей ворую...

— Не юродствуй! — рассердилась жена. — Никто еще в эмиграции не умер с голоду! Если тебе не о чем писать — это другое дело...

Горло у него перехватило от обиды, прохрипел: — А о чем писать здесь? Опять, в тысячный раз, проклинать Партию? Это все равно, что грозить кулаком Медному всаднику! Партия — как жирафа, не воспринимает критику, плюет на всех

с высоты своего положения, ибо она "ум, честь и совесть нашей эпохи"!

— А кто же тебе велит, милый мой, общаться с медной жирафой? Артель "напрасный труд"... Есть более интересные оппоненты. Например, многие советские интеллигенты, даже оказавшись в эмиграции, на дух не принимают никакой Веры. В этом отношении и твоя книга оказалась им "неубедительной". Вот и написать бы тебе эссе "В чем наша Вера"...

Он почесался в затылке. — Я не Толстой, да и жанр исповедальный опасен в эпоху Феликсов. А Вера наша — лежит еще в колыбельке, свое "эссе" делает в пеленки. Не пора ли смеяться?

— Нет, — рассмеялась жена. — Час еще не пробил, чтоб пеленки менять. Кстати, вчера вечером, когда ты заперся в кабинете для очередной "Исповеди" с бутылочкой, звонила Марлена. Сладеньким голоском, с придыханием...

— Это жена Феликса, последняя по счету?

— Да. Она пишет об антифашистах. Хочет сообщить нам что-то очень важное. Я отказалась от встречи, сославшись на занятость с детьми. Но за тебя решать не хотела...

19

Марлена пришла вечером, деликатно постучалась в кабинет: — Простите великодушно, не оторвала от трудов? Супруга ваша очень занята, я понимаю: детишки, цветы нашей жизни... А мы с Феликсом с восторгом прочли вашу книгу — не дадите ли автограф? Нобелевская вам обеспечена, клянусь Богом!

Лев Николаевич подал ей стул, смущенно запахнул в халат: — И я читал ваши труды об антифашистах. Ваш батюшка тоже, кажется, увлекался этой темой?

— Да, но он давно умер, бедняга. Папа издавал на идише газету "Социалистическая Родина", в Биробиджане. А меня тянуло в Европу... В эмиграции я познакомилась с вашим другом, Феликсом — любовь с первого взгляда!

Лев Николаевич деликатно кашлянул: — А в Израиль вас не тянет? Правда, я там никогда не был, но собираюсь посмотреть. Артур Кестлер мудро советовал: после Возрождения Израиля евреи должны сделать выбор, чтоб избавиться от мучительной раздвоенности, комплексов...

— А я была в Израиле, туристически! — она сделала большие глаза. — Там одна сплошная военщина и пейсатые! Засилие религиозной реакции! Сионизм сплошной! Меня они и еврейкой-то не считают! Моя мать — русская. Я горжусь, как и

Константин Симонов, что "родила нас — русская мать"!

— Простите, а разве "русская мать" рождает детей каким-то лучшим способом, чем мать французская, немецкая, еврейская?

Марлена заморгала большими ресницами: — Ну как же вы не понимаете, а еще ученый! Мать — это символ Родины!

— "Социалистической Родины", да?

— Той самой, что спасла мир от фашизма! Мой отец был евреем, ценил это!

Лев Николаевич резко оборвал: — Бросьте, не прикрывайтесь "еврейством"! Отец ваш был, в первую очередь, коммунистом. Газетка его на идише — всего лишь патийная работа, как и "чистка", которую он проводил в Биробиджане. Евреи ненавидели вашего отца, Кагановича, Мехлиса, всех сталинских прихлебателей! А вы — такая же "еврейка", как я — балерина. Скажите просто, что "антифашистская" тема — весьма доходная, выгодная для советских властей.

— Но они с почтением относятся к родителям вашей жены, к вашему отцу. Собираются вот документальный фильм крутить на Западе, поклониться могилам! — она смахнула слезу. — Неужели вы не заинтересованы, чтобы Россия узнала правду?

— "Правду"?! Что могут рассказать России казенные гниды? "Почтительное отношение" должно проявляться к живым людям. А вы — всего лишь мародеры. Жене моей вы третий год не возвращаете гражданства, хотя сын ее жил в Москве. Это вот — сегодняшний фашизм, единственная правда о вас.

Марлена замахала руками: — Они же вам добра желают! Кто нынче возвращается в Россию?! Все мечтают вырваться, а вы...

— А мы хотели бы сами решать! — он ударил кулаком по столу. — Феликс ваш еще год назад авторитетно заявил: "Солженицын нам не нужен!" Но вы и по сей день имеете наглость решать за людей: кому можно возвращаться, а кому уезжать... Когда же кончится эта б... игра?!

— С дамой так не разговаривают! — обиделась Марлена. — Не хотите крутить фильм?

— С коммунистами я ничего "крутить" не собираюсь. Обождем, когда Россия будет свободной. Прощайте. И передайте им, что мы не собираемся молчать. Ложь будем разоблачать, пока живы.

Она поднялась и вышла, не прощаясь.

Лев Николаевич закрыл за ней дверь, вернулся в кабинет. Стал что-то лихорадочно писать...

Вечером следующего дня профессор протянул жене стопку исписанных листков: — Вот, милая моя, я написал, что ты хотела. Можно это назвать как угодно: "Завещание" или "Исповедь", или "В чем наша Вера". Но лучше бы просто: "Последний текст". Правда, у меня тут, как обычно, ужасный недостаток из-за профессиональной "болезни": слишком много наукообразных слов. А это затемняет смысл. Поэтому лучше будет, если мы запишем все это на пленку, в форме диалога. А ты потом, в случае чего, опубликуй это, ладно?

Жена удивленно подняла брови: — Что еще за игрушки с техникой? И почему: "в случае чего"? Сам обрабатываешь текст, издашь от своего имени...

— Но после моего вчерашнего скандала с Марленой, когда я отказался "крутить" с ними фильм и прочее, понимаешь? Феликсы получили пощечину — могут мстить. Я не боюсь, но текст надо сохранить, издать.

— Марлена, кажется более порядочная все-таки...

— Нет, милая, жена Феликса не может быть порядочной: это же "фронтовая подруга", сотрудница... А мнимая принадлежность к "еврейству" — всего лишь прикрытие: так удобнее мародерствовать, делать бизнес на покойных антифашистах. Начальству это дает политический капитал, как лучший способ пустить Западу пыль в глаза: "ах, мы так искренне боролись против фашизма — вот вам пример общечеловеческих ценностей, которые всегда отстаивала наша Партия!" В этой б... игре участвуют, к сожалению, некоторые российские интеллигенты. Поэтому я хочу опубликовать свое "Завещание".

Жена ласково потрепала его седой чуб: — Но ты, надеюсь, не относишь к "интеллигентам" Феликса, Марлену, Коммунара? С ними, кажется, и спорить не о чем!

Лев Николаевич нахмурился: — А помнишь: "Любите врагов своих..." Слугам антихристовым я тоже желаю добра: пусть опомнятся, пока не слишком поздно! Ведь сейчас, к середине 90-го года, уже очевидно, что коммунизм-социализм рухнул навеки!

— Ох, несчастный мой оптимист... Партия еще сохраняет всю власть, а формальная отмена какого-то там пунктика в ихней конституции, мнимый отказ от политической монополии — всего лишь "игра", дымовая завеса! Они еще способны развязать войну Гражданскую и Мировую, восстановить, как и в Китае, драконовский режим! О каком "крахе" можно говорить, если у них КГБ, Армия, тысячи танков, готовых разутюжить не только Прибалтику...

— А это вот и будет их концом! — отрезал профессор. — Россияне слишком много уже прочли и поняли за последние 5 лет! И созданы многие политические партии, которые, в случае погрома, уйдут в подполье, приобретут еще большее влияние в народе. "Крах" коммунизма в том, что кончилась эпоха насильственного "единомыслия" в России. Многие уже понимают, что 73 года назад Октябрь не "спас", а загубил страну. Но Дух Святой — не удалось убить за все эти десятилетия кровавой бани! Бог, в отличие от Ленина-Антихриста, не подвластен законам загнивания материи... От Ленина остался только скелет, который можно сжечь и развеять по ветру, как и все его "памятники", легковесные "труды"...

— Ну, "легковесными" не назовешь миллиарды томов. Если пустить в макулатуру, то бумажный кризис кончится...

Профессор остановил ее: — Рано пташечка запела...

Она с лукавством подмигнула: — Но ты же сам, миленький, заливаешься соловьем: наступил уже ихний Крах-гарах, "Ура, мы ломим, гнутся шведы!"

Он, как мальчишка, надул губы. — Нет, я отказываюсь говорить с глупой девчонкой на серьезные темы! Пойми: Духовная победа — это еще не значит физическая. Коммунистический фашизм может продержаться в Китае, в России и еще 73 года. Механизм насилия у них отработан отлично, а хитрости и коварства — хоть отбавляй. Они вон сумели обвести вокруг пальца всех западных президентов, "доказав", что признание независимости прибалтийских республик приведет к гибели "перестройки"... А ведь все как раз наоборот! Но Антихрист неизбежно погибнет и физически!

— А мы? — ухмыльнулась она.

Он отшатнулся. — Стыдись! Ты ведь моя жена, нельзя быть такой глупенькой... Душа наша бессмертна — хотя бы вон в детишках, в будущих поколениях России. Если нет этой Веры, то надо, как говорил Чехов, разбегаться — и трахнуть головой об угол сундука! Как раз вот исполняется 100 лет паломничества Чехова на каторжный Сахалин: в отличие от "путешествия" Ленина с Радищевым, которые шастали по свету, чтобы разжечь Пожар, Чехов — отметал идеологическую партийщину, жаждал помочь всем, кто страдал. Чехов перенял от Святой Руси, вслед за Достоевским, Толстым, истинную Веру, пусть даже и в оболочке интеллигентского скепсиса... Дух Святой передался нам потом через "Вехи", Белую Гвардию, Михаила Булгакова, Бунина, Ивана Елагина... Эх, да всех не перечешь! Пусть мы с тобой и "маленькие" люди, но ведь не уступили Антихристу, верно? Ладно, пора спать...

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

21

Профессору порой приходилось откладывать свою рукопись в сторону, это ужасно раздражало его... Но что поделаешь, если реальная жизнь вторгается в наши, казалось бы, идеальные теории? Партаппарат готовился к своему ”последнему и решительному” Съезду, чтобы перегрызть глотку реформаторам...

Лев Николаевич, прогуливаясь со сдвоенной детской коляской, с тоской провожал взглядом поезда, ехавшие в Москву... Да, черт побери, дезертировал я с поля боя. Партию следовало взорвать — изнутри! Пусть у них танки, отточенные саперные лопатки, а у нас — Вера, выдержка, воля. Господь дал человеку разум, помог Давиду победить Голиафа. А нынешнее поле битвы — в тылу у врага, в его логове...

Дубчику понадобилось 22 года — и пришла заслуженная Победа. Да и нам во времена ”застоя” удалось подготовить отличных ребят. Жалко, что некоторые поспешили выйти из Партии, ”еще не вечер”... Конечно, каждому хочется побыстрее выбраться из смердящего нужника. ”Разведчик” должен уметь — побороть в себе отвращение: так ведь и хирург старается не замечать ”вони и грязи”. Мне дважды удавалось пролезть в парторги: результативно давить гнид, став невидимкой, натянув черные ”профессорские” перчатки, чтоб не оставлять следов...

Лев Николаевич снял запотевшие очки, оглянулся кругом... Да, удобно тут в эмиграции: чувствуешь себя таким разведчиком, ”вернувшимся с холода”. Можно бы и криминальный романчик накатать, деньги зашибить. Но свести все к ”приключенческому” жанру — значит сделать уступку Антихристу, изменить правде... Горькая правда заключалась в том, наверное, что мы не были ”ангелами”, когда оказались в омуте. Правда, у нас с детства не было выбора: вся жизнь советская была омутом. Вопрос лишь в том, когда и как в человеке побеждала Вера.

Но и в прошлом веке, в России Христианской, люди не рожались готовенькими ”ангелами”. В тысячный раз обращаюсь к трагическому опыту Достоевского. Почему он первым на Земле сумел пророчески показать грядущих ”Бесов”? Да потому, что судьба заставила его по горло окунуться в бесовщину коммунистов. Спешнев и Белинский сумели лестью

вскружить голову молоденькому литератору: об этом Достоевский бесхитростно признавался в письмах к брату. Как и Чернышевский, юный Достоевский готов был счесть себя "Спасителем" России, а коммунисты убеждали, что ведь для этого хороши любые средства, вплоть до террора, убийства Царя — "во имя Господа, конечно..."

Иван Карамазов не случайно уверовал в Великого Инквизитора, подменившего собой Господа. Карамазовы не случайно созвучны с Каракозовыми, которых Достоевский отлично знал. Даже Алеше Карамазову гениальный писатель готовил жестокое Испытание: окунуться в кипящий котел революции и — если не сварится заживо — обернется прекрасным Царевичем, вернется к Вере. Сам Достоевский выдержал это Испытание.

Мне приходилось встречать немало "русских мальчиков", проделавших над собой подобный эксперимент. Вернее, другого пути не было, если человек родился с талантом и волей к победе. Окунувшись с головой в избранную им стихию (будь то наука или искусство, не суть важно это различие), юноша становился мужчиной, учился преодолевать преграды, расставленные на каждом шагу всеильной партократией.

Многим моим коллегам не оставалось ничего иного, как нарядиться в мундиры своих заклятых врагов, а в качестве "охранной грамоты" использовать профессорские титулы. Но — дальше происходило самое страшное: Испытание в кипящем котле номенклатурщиков. Кто из нас не имел Веры, сомневался в окончательной победе Господа над Антихристом, тот погибал духовно, превращался в заурядного животного. Ну, а "своих" мы безошибочно различали по чуть заметной улыбке, когда протаскивали крамольные мысли, замаскированные в наукообразную форму, в "марксистскую" цитатку.

Воспользовавшись властью парторга, я с ребятами сумел провернуть целый ряд "мероприятий". Были и вполне "официальные" диспуты, где молодежь могла узнать много интересного: надо было как-то развеять сонную одурь!

Удалось даже прочесть несколько лекций для молодых работников МВД. Здесь надо было действовать их же оружием: нажимать на "патриотизм"... Как известно, Достоевский горячо поддерживал идею освобождения Православной Болгарии. Толстой — участвовал в Севастопольском сражении, что не могло не отразиться и в описании им войны с Наполеоном. Чехов, в начале русско-японской войны, хотел работать в военном госпитале. А сколько прекрасных людей добровольцами ушли на фронт в Первую мировую. Но, рассказывая об этом, надо было исподволь показать отличие Христианской

России от большевистской. По глазам некоторых слушателей было заметно, что лекции не пропали даром...

Что уж говорить о студентах, которые прослушали соответствующие курсы лекций, занимались на семинарах... За 10 лет, к защите диссертации, наиболее талантливые ребята становились убежденными антикоммунистами. Тут вызревали оригинальные концепции, где официальная идеология выворачивалась наизнанку. Например, теория тотальной классовой борьбы давала повод к новому пониманию Мировой войны, подготовленной марксовым Интернационалом и реализованной Лениным в октябре 17-го. Россия, таким образом, стала первой страной, которую оккупировали большевики, развязав Мировую войну против Свободного мира...

22

Эта концепция припомнилась профессору совсем недавно, когда объединение Германии вызвало жаркие споры. Подвернулась под руку и статья Феликса, где он доказывал, что немцы взяли реванш после двух мировых войн, а это, дескать, создает угрозу для всего мира, ибо немецкий милитаризм сдерживался только Варшавским пактом, нынче ослабевшим из-за происков русофобов...

Лев Николаевич собирался опровергнуть этот вздор, тем более, что объединение Германии происходило на его глазах. Немцы, как и поляки, чехи, венгры, румыны, прибалты — избавлялись от коммунистического людоедства, тем самым помогая и русскому народу освободиться от диктатуры КПСС. Но Феликсы, спасая свою кормушку, опять прибегли к б... игре, к отвлекающему маневру: как и Гитлер, они делали ставку на разжигание национальной ненависти.

Объединение Германии не имело почти никакого отношения ни к первой, ни ко второй мировой войнам. Жители ГДР освобождались от красного фашизма Ульбрихта-Хонекера, жаждали объединиться не просто с "остальными немцами", а со Свободным миром, в котором ФРГ была ведущей силой. Если бы, например, в ФРГ тоже правили коммунисты, то и не было бы желания объединиться. Вот ведь немцы, эмигрирующие из СССР, ехали не в коммунистическую ГДР, а в свободную, Христианскую ФРГ.

На это Феликсы возражают, что эмигранты, дескать, аполитичны, просто бегут за жирным куском. Но это же закономерно, что коммунистические режимы всегда и везде приводят к нищете, в отличие от Свободного мира, против которого марксисты-ленинцы и ведут Мировую войну. Еще 150 лет

назад коммунисты приступили к тотальной классовой войне, которая вела к обнищанию народа, ибо сознательно разрушалась свободная рыночная экономика. Интернационал, созданный марксистами, объединивший подрывные усилия своих партий во всем мире, стал предтечей и одной из причин Первой мировой войны, так как до крайности обострял национальные и социальные противоречия.

Война, вспыхнувшая в 1914 году, больше всего нужна была большевикам, привела их к власти. "Борьба за мир" была лишь дымовой завесой для Ленина, как и для Сталина, Гитлера. Ленин и не скрывал, что надо использовать войну для захвата власти, для продолжения "войны классовой". Террор, геноцид, без чего Ленин не удержался бы у власти, свидетельствует об оккупационном характере коммунистического режима. Захват России, как плацдарма для дальнейшей войны против всего Свободного мира, — означал начало небывалой еще в истории человечества Мировой войны, где целью был не только захват новых территорий, но и установление на всей Земле "Нового Порядка". Гитлер лишь позаимствовал у Ленина эту Идею. Шовинизм так же служил Гитлеру, как и Ленину, трубившему об "Интервенции Запада", о "патриотизме во имя спасения Родины". Так они завлекли Тухачевского, моего отца, многих царских офицеров.

Гитлер, как и Ленин, эксплуатировал энтузиазм дикой толпы, обещая явно несбыточную "райскую жизнь на Земле". Иван Бунин обрисовал это ярко и точно в "Окаянных днях": большевики использовали не одних только инородцев, но и все худшее, что было в русском народе. Бунин пишет даже о каких-то обезьяноподобных люмпенах, коротконогих, лузгающих семечки во время кровавого пира. Феликсы за это и Бунина называют "русофобом", отыскивая у него "чужую кровь"...

Сверхзадача Феликсов ясна: любой ценой обелить власть-придержавших, оправдать КГБ—КПСС, свалив всю вину на евреев, латышей, поляков, на масонов и "сионистов", которые, мол, и Царя свергли, и Октябрь сварганили, и ГУЛАГ учредили, и коллективизацию провели, и православных извели под корень, и нынешнюю советскую прессу подкупили, и Дубчеку дали взятку, и Варшавский пакт разрушили, и ГДР толкнули в объятия западногерманского реваншизма... Гитлеровская пропаганда так же успешно обрабатывала "народные массы", во всем оправдывая свою национал-социалистическую Партию.

А беда ФРГ как раз в том, что национальное чувство немцев ослабло: широкие массы не очень-то хотят поступиться

своим высоким жизненным уровнем — весьма неохотно финансируют реконструкцию ГДР-овской экономики, разрушенной коммунистическими правителями. Говорят, что из-за этих разногласий часть избирателей уже менее охотно голосует за Христианские партии... Как видно, национальное возрождение всегда требует жертв, а для многих "своя рубашка ближе к телу"... Реформы в Польше, в Венгрии, в России — тоже потребуют больших усилий. Национально-религиозное возрождение помогло бы и русскому народу найти духовные силы для прорыва из ленинского тупика. Если Феликсы не заведут нас в новый тупик, национал-социалистический.

Русским — труднее других. И дело не только в 73-х годах коммунистической лжи, ставшей для многих привычной, "второй натурой". Все другие народы, оккупированные коммунистами, могут находить вдохновение в лозунгах Национально-освободительной борьбы против "иноземцев", "русских танков"... А русским людям не на кого свалить свои несчастья, ибо нашим поработителям был не какой-то один чужой народ, а всемирная бесовщина марксистов-ленинцев, опиравшаяся также на традиции русских революционеров.

200-летие "Путешествия" Радищева, вдохновившегося как пугачевщиной, так и якобинщиной, наводит на грустные размышления. И "ошибка" Бердяева, писавшего о "русском коммунизме", отнюдь не случайна. "Вежи" обвиняли в революционной бесовщине "русскую интеллигенцию" — тоже не случайно. Базаровщина, карамазовщина, чеховские Соленья, Серебряковы, Трофимовы, "Неизвестные" — были "русскими", как и Нечаевы, Бакунины, Ткачевы, Чернышевские, Плехановы... Но "русскими" они были, как и Феликсы, лишь по своему "составу крови", ибо противопоставились Православию, всемирному Христианству, и поныне объединяющему нас со Свободным миром. В 1990-м это уже очевидно для всех, кроме Феликсов...

Лев Николаевич отложил рукопись, прилег на диван. В кармане прошуршала какая-то бумага... Ах, черт, это же письмо от Коммунара Иваньча. Достал сегодня из почтового ящика — и хотел спустить в унитаз, не читая, но забыл. Ладно, жена не увидит, можно и прочесть... Написано корявым старческим почерком: "Дорогой мой Левушка! В следующую среду буду читать лекцию в немецком университете. Если можешь — приходи. Авось, в последний раз на этом свете повидаемся. Твоя книга мне очень понравилась. Может, опубликуем на Родине. Я буду на лекции разоблачать Ленина — теперь все можно! Твой К."

Опять б... игра? Ну, посмотрим...

”Докажи, что ты — не верблюд!”

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

23

До лекции Коммунара Ивановича оставалось еще 3 дня. Лев Николаевич решил пересмотреть прессу — разыскать последние статьи Коммунара. Оказывается, ”академик” участвовал весьма активно в создании ”Новой эмиграционной политики”, т.е., Нэпа в отношениях советских властей с эмиграцией. Коммунар и раньше часто ездил на Запад, чувствовал тут себя как рыба в воде, имел много друзей среди левых западных профессоров, литераторов, но эмигрантов избегал... А теперь произошла ”перестройка”: решено было считать, что не существует уже никакой ”антисоветской эмиграции”, а живут на Западе лишь добропорядочные, милые россияне, пострадавшие от ”культы личности”, ”эпохи застоя”...

Коммунар Иванович писал в последней статье, что, дескать, не позволим больше врагам России использовать несчастных эмигрантов, сохранивших в душе любовь к Родине: эмиграции, как вражеской силы, больше не существует. Надо подходить к каждому по-человечески, индивидуально, приглашая навестить Родину, опубликовать интервью... На сегодняшний день уже нет ни одного известного эмигранта, оставшегося в стороне от перестройки и гласности. Почти все побывали в СССР или же тут публиковались. Вот и наступило историческое примирение, воссоединение (Народ и Партия — едины).

А в частных беседах с эмигрантами — Коммунар шел еще дальше. Он теперь клялся, что всегда любил эмигрантов, особенно Белых: ”Я — русский! И этим все сказано! Только в застенках чекистов надо было доказывать, что ты ”не верблюд”. А вы должны верить своей Родине, теперь у нас все переменялось!” В письмах к эмигрантам-литераторам он не скупился на похвалы, полагая, что маслом каши не испортишь, называл их ”рыцарями”, ”великими писателями Земли Русской”...

В самом деле, какое же сердце не дрогнет от неожиданной любви Родины, если еще вчера Она в упор тебя не замечала. А если, к несчастью, и замечала, то лишь для того, чтобы облить помоями, назвать предателем, подонком, агентом всех вражеских разведслужб, политической проституткой, педерастом, террористом и пр. и т.п.

Давно, конечно, известно, что барский гнев и барская лю-

бовь — всего лишь игра случая, конъюктура... Но эмиграция и раньше не была единым, монолитным формированием, тем более, что Феликсы потратили много сил и денег, чтобы посеять межпартийные раздоры, интриги. И Коммунары теперь пожинали плоды... Выходило, что Партия уже никому не причиняет вреда. Ну, обычная, как и на Западе, правящая партия, победившая на свободных выборах в наш парламент...

Лев Николаевич вошел в аудиторию последним, примостился в заднем ряду, чтоб Коммунар Иваныч не заметил: потом было бы легко улизнуть, избежать ненужной встречи... Но Коммунар сразу же его приметил, заулыбался, как родному, подошел неспеша и громко, чтобы все слышали, пробасил: — Левушка, дорогой, очень рад! Мы скоро будем публиковать твои труды в России! У нас же теперь плюрализм, свобода!"

Лев Николаевич, неожиданно для себя, покраснел до слез, как мальчик, с которого сняли трусики в присутствии девочек. Вспомнилась песенка: "Ах, попалась птичка, стой, не уйдешь из сети! Не расстанемся с тобой — никогда на свете!" Но Коммунар Иваныч будто и не заметил его смущения, отвернулся, горячо пожимал руку еще какому-то эмигранту, тоже называя его по имени, как родного брата...

Но "демократизм" Коммунара лишь подчеркивал его "величие": он держал себя так, будто сама История поручила ему спасти Россию и все человечество: — Анархия, которая готова погубить нашу Державу, угрожает и всей мировой Культуре, дорогие коллеги! Достоевский еще учил нас противостоять нигилизму! Солженицын показал нам, как в Феврале дикая стихия разрушила наши устои! Маклаков, наш выдающийся деятель, в эмиграции с горечью констатировал, что в Феврале была нарушена историческая преемственность государственной власти, — вот где причина всех наших последующих несчастий! Но и сегодня находятся некоторые безответственные самолюбцы, призывающие взорвать историческую преемственность Государства, перечеркнуть последние 73 года народной жизни, оплевать все, что сделано, пренебречь кровью, слезами, потом нашего народа!

Коммунар Иванович изобразил на лице небывалые страдания и, будто желая отсечь чьи-то подозрения, ударил кулаком по кафедре: — Нет, я не выступаю адвокатом Дьявола, господи! Ленин давно уже мертв! Мы честно пишем о всех ужасах военного коммунизма, о кровавой коллективизации,

о ГУЛАГе! Надо лишь сохранить научную объективность, не выбрасывать ребенка с грязной водой! Вспомните слова Достоевского о детских слезах, наконец. Чем провинился народ? В каждом человеке есть хорошее и плохое, Божеское и анархическое, разрушающее Государство. А ведь любая власть — от Господа! Ленин спас Россию от анархии, развала, смуты, как Минин и Пожарский в свое время. Перечитайте "Самоубийство" Алданова, нашего замечательного писателя в эмиграции. Ленин показан у него фигурой трагической, в отличие от Джугашвили, безыдейного уголовника. Ленинский НЭП должен был вернуть Россию к общечеловеческим ценностям. Мы вот теперь это реализуем, восстанавливаем наш общий, европейский Дом! Общими усилиями, с Божьей помощью, дамы и господа...

Коммунар Иванович долго еще объяснял аудитории, что Старую Россию погубили не большевики, а "правые": Шульгин, Родзянко, Гучков, Милюков... Белая Армия — тоже виновата, ибо вынудила Ленина отказаться от многопартийности, прибегнуть к террору... Но после победы — Ленин проявил мудрость государственного мышления. Только вот болезнь и смерть Ильича, отравленного Сталиным, агентом Охранки, сыграли роковую роль... Гласность и перестройка — необратимы теперь...

Лев Николаевич сначала вяло конспектировал всю эту хитроумную демагогию. Но нет худа без добра: ложь Коммунара постепенно приводила его в ярость. Он увлекся, тут же начал писать страстную отповедь...

25

Лев Николаевич не заметил, как кончилась лекция, продолжал писать свой "Ответ Коммунарам"... Старик положил ему руку на плечо, присел рядом: — Кончай, Левушка, караул устал... Ты прямо, как ребенок, все принимаешь всерьез! Вспомни завет Эйхенбаума: "Все есть игра и построение!" Но я уже старь и больной, делаю что могу... Сердце вон шалит. Проводи меня. Портфелище тяжелый... Возьмем такси.

Лев Николаевич растерялся от неожиданности, молча взял у Коммунара Ивановича портфель, довел до стоянки такси.

— Поехали, Левушка, вместе, поговорить надо...

Через 5 минут Коммунар велел таксисту остановиться, расплатился. — Пойдем, Левушка, тут рядышком чудесный лесок. Посидим на лоне природы, как в былые времена... Сегодня же твой праздник — 17-е! Ты стал на месяц старше, умнее, надеюсь. А я — на месяц ближе к могиле. Спешить надо:

последний раз, наверное, видимся. В портфеле у меня все припасено: и коньячок, и закусочка. Вон там я и сяду, на пенек. А ты рядышком. "Сядь, сядь на пенек, съешь, съешь пирожок"... Пропп вот не успел написать об эротических мотивах, а жалко...

Отпили прямо из горлышка, старик повеселел: — Ну, браток, так вот оно лучше, по-человечески... Будешь, небось, писать в своих мемуарах, как я развратничал на даче? Да, грешил я в молодости безбожно... Только ты еще хуже грессишь теперь: "разоблачительский" жанр — от бездарных Чернышевских! Но тебе это не поможет, не докажешь никому, что ты — "не верблюд". Раз уж ты сын советского генерала, да и сам "играл" с чекистами, то все будут подозревать тебя, всегда, везде!

— А мне плевать! — взорвался Лев Николаевич. — Главное, что я теперь не служу Дьяволу, как некоторые! Б... ваша игра остоебенела!

Старик поморщился: — Ну, опять трескучие ррреволюционные фразы... Пойми, мой мальчик, что у них — абсолютная власть! Надо уметь использовать то, что есть. Это как с девочкой: чуть приподняла юбочку, а ты — "дальше, дальше, дальше", пока дают... Так вот и качай права, пока новое поколение родится от твоих усилий, хе-хе...

Лев Николаевич отпил еще коньяку, оборвал старика: — А зачем вы убили моего сына?!

— Ну, во-первых, мы его не убивали. А во-вторых, это мой сын. Да, спроси у своей жены... Убил его и Машеньку — Васька-алкаш, ибо принял их за "сионистов". Ничего, брат, не поделаешь. Искусство борьбы требует жертв. Толпе нужен какой-нибудь "Враг", так начиналась любая революция, с погромов. Иначе не свергнуть Партию. А евреям я бы посоветовал иметь человеческое достоинство: бежать, куда глаза глядят, подальше от коммунизма. Пока не поздно... Жена твоя — пусть скажет спасибо генералу Крючкову, что не возвращает ей гражданство. Что вы делали бы с мальчми детишками в голодной стране, кишашей бандитами-алкашами?

— Ах, благодетели наши! — скривился Лев Николаевич. — Как мы, бедненькие, жили бы без вашей заботы?

— Гнили бы в лагере! — усмехнулся Коммунар Иваныч. — Андропов спас от гибели лучших писателей России, дав им уйти в эмиграцию! Крючков освободил Восточную Европу от Гусаков, Хонекеров, Чаушеску! Ну, а теперь уж сами действуйте: "дальше, дальше"... Берия помог Сталину умереть до начала Третьей мировой. Лаврентий Павлович спас российских физиков от лагерей, прикрывшись атомной бомбой...

Дзержинский, как польский аристократ, сдерживал ярость черни, иначе бы пьяная матросня перерезала в 100 раз больше... Дзержинский возглавил нашу первую перестройку: внедрил НЭП! Органы всегда располагают огромной информацией, поэтому и сейчас обеспечат победу перестройке! Надо, Левушка, подходить к фактам научно, объективно, без диссидентских эмоций...

Лев Николаевич раскурил трубку. — Хорошо, Иваныч, давай объективно. НЭП провалился, утонун в крови именно потому, что Партия со своими Органами правит балом, диктаторски. Так же будет и теперь: пока вы у власти — провалятся любые реформы. Диктатура ваша душиет всякую инициативу, научность, объективность: "информация", собираемая вашими Органами, — заведомо лжива, ибо добывается из-под палки. Вашими сексотами, генералами, министрами движет страх и ложь: лишь бы угодить Партии, от которой зависит карьера, жизнь. Так было и в 41-м, и в Чернобыле, и в Тбилиси, и в Баку, и в Прибалтике, и в Афганистане, — всегда и везде вы исходите из ложной информации. Оно и понятно: у вас только одна забота — удержаться у власти, любой ценой. Так вас учил Ленин: цель оправдывает средства!

— Ну, ну, Левушка, не нервничай! Тут вон у меня в портфеле еще пара апельсинчиков... Пил ты много, а не закусывал. Вот и озлобился... Поверь старику: "Жила бы бы страна родная — другой мне заботы нет!" Ты же и сам сотрудничал с Органами, хе-хе...

— Да, Иваныч, поэтому и говорю со знанием дела! Полковник ваш долго и упорно объяснял мне, что каждый советский профессор обязан помогать родным Органам, иначе нельзя быть профессором в стране социализма, где надо целенаправленно воспитывать советскую молодежь! Полковник требовал от меня: продвигать в университете "хороших людей", а "плохих" — устранять. Иначе, дескать, погибнет советская наука, а историки наши — также и главная опора Партии, Государства! Но вот что интересно: все "хорошие", которых продвигали Органы, были бездарны, неинтеллигентны, лживы. А те, которых велено было "устранять" из университета, составляли цвет науки, ее будущее. Моя "игра" заключалась в том, чтобы делать все наоборот. К счастью, мне это частично удавалось, так как полковник был туп, легко поддавался на "патриотическую" демагогию, любил выпить, студенточек обожал юных...

Коммунар Иванович хихикнул: — А может и полковник играл", в поддавки? У нас ведь никто не верит в коммунизм, даже в Политбюро! Это не значит, что все мы "тупые",

просто жизнь так уж сложилась, вот и приходится "играть". Я тоже не люблю коммунистов, но ... "свое дерьмо не воняет", нельзя пылать ненавистью к обычному говну, это же смешно! Пойдем, Левушка, в ресторан... Покормлю тебя за наш счет, за мои 30 серебрянников...

26

Коммунар Иванович поднял бокал с шампанским: — За победу, мой мальчик. Зиг хайль!

Лев Николаевич нахмурился: — За чью?

Старик рассмеялся. — Надо стоять поверх барьеров, дурачок! За победу красоты, которая спасет мир! Пей до дна — и все пройдет, Левушка! Весь мир празднует теперь 150-летие Чайковского — вот гений, любивший красивых мальчиков!

— Ну, "армянское радио" возражает: "Чайковского мы ценим не только за это"...

— А без "этого", милый мой, не было бы и гениальной музыки: красота спасает мир! Конечно, не обязательно мальчики. Набоков, как утверждала Надежда Мандельштам, и сам знал вкус в Лолиточках! А Достоевский с его Настасьей Филипповной? А исповедь Ставрогина, а Свидригайлов? Страх, после смерти Достоевского, рассказывал Толстому, что автор "Карамазовых" и сам любил "клеякие листочки", маленьких девочек в баньке, на царской "каторге"...

— Вздор! Жена Достоевского назвала Страхова клеветником! Бездари "обличают"...

— Ну, Левушка, какой же вдове приятно читать такое о своем гениальном муже? Но и Орвэлл писал, что эротика — единственное спасение от коммунизма. Так вот и я сохранил в себе хоть что-то человеческое: красота спасла!

— Спасла ли, Иваныч? Ты и теперь служишь Антихристу. "Красота", или "краснота" разврата — не имеет ничего общего с Духовной Красотой. Ты опять занимаешься б... игрой! Прости меня, но ведь ты уж стар, долго ли еще будешь им служить? А зачем, подумай! Оставайся у нас, напиши свою "Исповедь" — будет напоследок Красота, душу спасешь.

Коммунар Иванович отодвинул бокал, снял очки. — Посмотри мне в глаза, Левушка! Я не подонок, не хочу угробить родных. Наконец, не могу подводить Академию Наук, дело перестройки...

Лев Николаевич поднялся: — Ну, мне пора. Демагогией сыт... Значит, больше не увидимся, прощай.

Старик вдруг вскрикнул: — Не бросай меня! Сердце больное... Проводи хоть до гостиницы...

”Подожни ты сегодня, а я завтра.”

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

27

Коммунар Иванович прислал из Москвы открытку, благодарил за сердечное гостеприимство. Наклеена была марка с прищуренным Лениным... Лев Николаевич смекнул: Коммунар надеется, вероятно, что западные Органы возьмут нас ”на прицел”... В гостинице, где еще раз выпили, старик хмуро предупреждал: — Если не перестанешь писать о политике, то возьмут тебя ”в клещи”, понимаешь? Запад будет тебя преследовать, как сына советского генерала, потенциального шпиона, а наши — как врага перестройки! Когда клещами сжимают яйца, мой мальчик, то забывают о гоноре, соглашаются на все правила ”игры”...

— Нет, при любых обстоятельствах я с вами ”играть” не буду, хватит! Тем более, что на Западе нет юридического термина ”потенциальный шпион”, да и за грехи родителей тут не сажают! Но скажи мне, Иваныч, зачем ты клеветал на моего покойного отца, на родителей моей жены, когда пишешь, что все они до последнего дыхания оставались коммунистами?! Они же не были кретинами...

— Это, Левушка, не ”клевета”, а наивысшая оценка в СССР. Для вашей же пользы стараюсь ”опартийнить” покойников, чтобы руководство признало, наконец, их огромные заслуги в разгроме Гитлера!

— Передай, Иваныч, своему начальству, что Запад при слове ”коммунист” — видит теперь лишь платного советского агента, а не антифашиста. Надо понять, наконец: военные заслуги перед страной, перед Движением Сопротивления, перед союзниками в антигитлеровской коалиции, — не имеют ничего общего с коммунистической демагогией. Разведка, Армия — должны быть сугубо профессиональными, не подчиненными политкомиссарам. Иначе вы угробите Россию: коммунистический Китай опаснее Гитлера. А вы продолжаете хитрить, ловчить, как и в 41-м!

Коммунар Иванович безнадежно махнул рукой: — Начальство наше, как и всегда, принимает к сведению только ту информацию, которая ласкает его слух. Свободный мир для них — смертельный враг, а китайские коммунисты — родные братья, ими же вскормленные. Так же и в 41-м было: Гитлер — брат, а Запад — враг! Я все понимаю, Левушка...

— Вот и прекрасно, Иваныч. Оставайся у нас, напиши всю

правду, хоть перед смертью!

— Дурак ты, они же сразу меня ликвидируют, как уголовники: "Подожни ты сегодня, а я завтра." Ты уж, милый, сам старайся написать, у тебя тут опора есть: жена любящая, коллеги. Но не обольщайся: наши постараются изобразить тебя "графоманом" эмигрантским. А я предлагаю ход конем: прикнишься нашим другом, прославляй "перестройку и гласность", тогда я постараюсь опубликовать в СССР хоть какие-то фрагменты из твоей книги. Дам от себя высшую оценку: дескать, талантливый историк, имевший трудную молодость из-за культа личности, вынужден был эмигрировать, но сохранил любовь к Родине, прогрессивные идеалы...

— Нет, Иваныч! Идеалы мои самые "реакционные": Святая Русь, Православие, национальное возрождение. Это вовсе не значит, что я "талантливый историк", просто надоело "играть" с вами. Талантливых-то вы давно сгноили в лагерях, психушках, в эмиграции. А мне лишь хочется перед смертью — плюнуть вам в хамскую рожу. Мережковский хорошо сказал: "Грядущие Хамы", ныне правящие...

— Самоубийц я не люблю, Левушка! Если я останусь на Западе, то автоматически перечеркну всю свою жизнь, все книги, изданные Академией Наук, все свои заслуги...

— Ах, брось, Иваныч! Какие уж там "книги", "заслуги"... Партии бандитской прислуживал — пора признаться.

Старик побледнел, визгливо крикнул: — Убирайся вон, хам! Смерти моей ждешь?! На, убей меня, трахни графином! Тюрьма на Западе сытная, не бойся, ну! Сам-то, небось, хорошо устроился в западных Органах, иуда! Иди, доноси им!

Лев Николаевич не мог успокоиться, опять и опять вспоминая скандал в гостинице... Наверное, Коммунар и в самом деле считал, что я, как и все эмигранты, "проданся" Западу. Ну, это типично советское мышление: кто сам всю жизнь прислуживал властям, тот и других подозревает. Трудно им понять Запад, не окунувшись в тутошнюю реальную жизнь, где не существует платной "идеологии".

Поначалу, некоторые советские люди, став эмигрантами, тоже спешат примазаться к правящей партии. Но очень обижаются, что никто не спешит заплатить им за верноподданические тирады, за доносы на других эмигрантов, позволивших себе критические замечания о властях. "Разочарованные" Западом — стараются вновь понравиться Феликсам, Коммунарам, с ними привычнее: ты им подмахиваешь подхо-

дящие "идеи", "мысли", а они — "проявляют заботу", в той или иной форме... "Перестройка и гласность" открыли широкий простор для маневрирования, с обеих сторон.

"Антисоветские" советские люди, как в эмиграции, так и в СССР, носом чуют границу дозволенного властями. Разрешается, например, похвалить Февральскую революцию. Вот и можно показать Октябрю — "кукиш в кармане", что Коммунар использует на своих заграничных лекциях, втираясь в доверие к эмигрантам и западным социалистам. Керенский — тоже ведь социалист, "жертва"...

Разрешен властями и некоторый интеллектуальный "плюрализм". Вот Коммунар и норовит показать свою "широту": так приятно усомниться в нравственной чистоте Чайковского, Достоевского, Пушкина, Набокова... И это — "кукиш в кармане": власти почитают, пропагандируют классиков, а я вон какой умный и смелый — разоблачаю ваших классиков! Хлестаков тоже ведь был "с Пушкиным на дружеской ноге". Ну, что, брат Пушкин, пишешь все? А сколько палок бросил своей Керн, хе-хе? И я способен на такие же "чудные мгновенья"! Чем я хуже тебя?!

Короче говоря, свобода, равенство и братство... Советское животное норовит доказать, что и в прошлом веке — люди были таким же дерьмом, как и теперь. Коммунар хватается за "исповедь" Ставрогина. Но если серьезно проанализировать текст Достоевского, то видно, что Ставрогин вовсе не "эротоман", как Гумберт у Набокова. Ставрогин с брезгливостью говорит, например, о "грязных ногах" 10-летней Матрешки, чего Гумберт никогда бы не сказал о Лолите.

Эротика "Лолиты" — это, если угодно, эмигрантская тоска по золотому сну детства, на далекой и недоступной родине. Ностальгия эта — сводит с ума, губит всех. А у Ставрогина — совсем другого рода "золотой сон": как и все коммунисты-подпольщики, он мечтает сокрушить, перевернуть Мироздание. Случай с Матрешей — всего лишь иллюстрация такой "разведки боем": научиться быть выше, сильнее всех "простых смертных". Подобное и у Раскольникова: преодолеть в себе страх и брезгливость, "трахнуть" старуху, чтобы доказать свою способность совершить Революцию! Разумеется, что эротика не имеет к этому никакого отношения. Ставрогин лишь прикрывается "сексом", чтобы скрыть свое более страшное преступление — сознательное убийство христианской души, в себе и в Матрешке.

Ставрогин, как революционер-разведчик, умеет прекрасно замести следы. После удавшегося "эксперимента" с Матрешей, соблазненной и убитой, то же самое можно проделать

и с Россией, со всем Миром. Подобное находим и у Ленина: Сталина послал грабить банки (как Раскольников), а Виктора Таратуту — отправил спать с купчихой (как Ставрогина). "Секс" Виктора должен был принести Партии как материальную пользу, так и "моральную": расширить сферу влияния. Возможно, что по этой же причине и сам Ленин спал с Инесой Арманд: цель оправдывает средства. Крупская, как идейная коммунистка, понимала: так надо для Партии...

Дочь Виктора Таратуты — стала советским историком, написала много книг, где прославляет высокоидейность своего знаменитого папы, всех революционеров-подпольщиков... Коммунар Иванович дарил мне эти книги каждый месяц, 17-го числа, в честь Октября... — Ну, мой мальчик, ты стал на месяц старше! Как подрост твой "Октябрь"? Давай, посмотрим... Ого, так мы раздолбаем всех врагов! Проникнем во все их тайные щели. Разведчик не должен быть брезгливым: о сверхзадаче надо помнить, по методу Станиславского...

Нынче Коммунар старается оправдаться... Чайковским, художником Ивановым, даже Суворовым, который, дескать, тоже любил юных оруженосцев, как и древние римляне. А в ресторане Коммунар с восторгом рассказывал мне о "грехе" Андрея Платонова, который, мол, тоже любил "братьев по классу", так как был в молодости истинным коммунистом. Ну, а в коммуне, как и положено, нет частной собственности даже на собственное тело: все принадлежит друг другу, общему делу... И девочки, вроде Лолиты, так похожие на юных оруженосцев, не случайно воспеты Набоковым: ведь его отец, вместе с Милюковым, провел Февральскую революцию — во имя свободной любви, равенства, братства...

Но Коммунар, как и Ставрогин, лишь прикрывался "эротикой". На самом-то деле он больше напоминает "Игрока" Достоевского, но уже в советском издании. Разведка, игра в "подполье" — вот первая и самая большая страсть Коммунара. Игра стоит свеч — можно "овладеть" всем Миром, проникнув в щели вражеской баррикады, — навеки прославиться! Христианское бессмертие — они пытаются заменить "вечной славой героев-разведчиков"... Шпионаж так заманчив для них "чудом", "секретом", "авторитетом" — вечным соблазном Дьявола.

Ленинские профессиональные революционеры тоже назывались "агентами". Чудеса подполья большевистского описаны в тысячах книг, на которых воспитаны все поколения советских детей. С малолетства мы играем в юных разведчиков, следопытов. Потом мы учимся разведовать тайны земных недр, космос... Разведчик — самый уважаемый человек

в ленинской Партии. А нынче партийную совесть олицетворяет Нина Андреева, сохранившая любовь к генералиссимусу Сосо (в народе ее прозвали "Нана Сосоебна Гнидаспова"). Дама эта химичит с возрождением "русского" большевизма, якобы противостоящего "жидовскому социал-демократизму цедербаумов, гурвичей-данов". Была нанята в колыбели ихней революции банда "большевиков, намалевавших лозунг "Россия — для русских!!!" И старательно выписаны адреса евреев, которых следует линчевать, чтоб спасти Россию...

Национал-большевики запомнили, что социал-демократов, противостоящих ленинскому Октябрю, представлял Плеханов, русский патриот, осуждавший большевиков за измену Родине в годы войны. Плеханов сегодня мог бы так перифразировать лозунг ниночек: "Россия — для русских, а не для коммунистов!" Очистить Россию от райкомов, обкомов, ЦК ниночкиных, — единственное спасение для всех, русских и нерусских (а освободившуюся жилплощадь — передать многодетным семьям, ютящимся в коммуналках.)

Русским — нет достойного житья в своей стране, пока Ниночки щеголяют в красных ботиночках и чекистских кожанках, разжигают межнациональную ненависть, промышляют жидоедством. Нины Андреевы душат православных России, которые вынуждены искать защиты у Зарубежной Православной Церкви (так поступили верующие в Суздале). Освободить РПЦ от "опеки" Антихриста, от притязаний Ниночек, — вот первый шаг для возрождения России, избрания достойного Патриарха. Дай Бог...

Лев Николаевич закончил свое "Завещание", погасил свет. Ночь была звездная, хорошо мечталось... Скорее бы вернуться в Россию, чтоб дети не застряли на чужбине... Господи, дай нам силы, помоги России выстоять в это смутное время! Если за 73 года Антихристу не удалось убить душу России, то ведь есть Надежда, правда? Только бы не отравлять себя жаждой мести, расправы! Иначе угробим хорошее дело, душу свою навеки погубим... Хватит с нас "революций", гражданских войн, ненависти! Эх, мечты, мечты...

Ниночки теперь орут повсюду о своих "русских генах", якобы дающих им право на расправу со всеми "ревизионистами", "инородцами"... Но гены у Ниночек — не человеческие, а звериные, обезьяньи, унаследованные от Энгельсов. Восточная Европа уже избавляется от Карл-Маркс-штадтов, — возвращаются всем народам человеческие гены. Русские тоже вон избавились от "Горького", очередь теперь — за Санкт-Петербургом... Ленинские памятники — продать западным марксистам, а с нас хватит...

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

— Ну, держись Левушка, к нам едет ревизор! — жена весело подмигнула ему. — Только что мне позвонила из Мюнхена приятельница, предупредила: ”Госпожа Простакова села на Берлинский поезд — спрячьтесь в Гоголевскую ”Коляску”, если жить хотите!”

Лев Николаевич отложил книгу, досадливо поморщился: — Откуда в Мюнхене знают, что именно к нам едет эта, как там ее? ”Люблю свиней, сестрица”?

— А ты привыкай. Эмиграция — как деревня: в одном конце пукнут, а в другом уже обсуждают качество запаха! ”Простаковой” назвали бывшую советскую разведчицу — Ирину Коршунову. Она более полувека ”кружит”, будто коршун, по западному полушарию, со времен гражданской войны в Испании. Гордится, что была ”ликвидатором”, содействовала убийству Троцкого, Кривицкого, Райса...

— Не пускать ее к нам! Вызвать полицию, если нахрапом полезет!

— Ах, милый мой профессор... Она первая заявит в полицию. Коршунова выдает себя за антикоммунистку, ее тут прозвали ”Ирка-анархистка”. Она всем рассказывает, что это твой отец, советский генерал, лишил ее, сиротку, невинности, завербовал, велел убивать эмигрантов. Но она, мол, еще на детском горшке усвоила идеи антикоммунизма и, будучи истинно русской, убивала только жидов-коммунистов.

— А почему эту Ирину зовут ”анархисткой”?

— В Испании у нее был любовник, Мишка-анархист, от него родилась дочь, которую назвали Революция или, сокращенно, Рева. Теперь этой Реве Михайловне идет шестой десяток, но мамаша держит ее в ежах, заставляет сочинять роман о подвигах своей юности...

Лев Николаевич повеселел: — Ну, может и мы водевильчик состряпаем о разведке? А кто этот ”Мишка-анархист”?

— Ирина говорит, что в Испании влюбилась в него с первого взгляда: он был командиром отряда антифашистов-анархистов. Это русский моряк, друг Раскольникова, участвовал в Кронштадтском восстании, но сумел потом бежать в Финляндию. Сталин приказал ликвидировать в Испании всех ”отщепенцев”, но Ирина спасла Мишу, прикрыла собственным

телом...

— Он жив? Есть свидетели?

— Нет, умер в Испании от какой-то желудочной болезни, еще до рождения дочери. Говорят, что Ирина сама же его и отравила. Но как проверишь? Теперь Ирка-анархистка божится, что безумно его любила... Он, дескать, рассказал ей, что у него в России осталась мать, мечтал вернуться после свержения Сталина, тосковал: "Напрасно старушка ждет сына до-мой..."

— Ну, а чем потом Ирина промышляла?

— Говорит, что участвовала в Движении Сопротивления, угодила в концлагерь. Американцы их освободили в конце войны, лечили. Ирина утверждает, что, будучи антикоммунисткой, не хотела возвращаться в СССР, навсегда осталась с дочерью на Западе. Получает пенсию по инвалидности, да еще как заслуженная антифашистка...

— А что за инвалидность у нее?

— На правой руке искалечены пальцы, носит черную перчатку, которую очень эффектно демонстрирует на митингах антифашистов, даже орден получила... Злые языки говорят, что руку она повредила во время стрельбы по Кривицкому, которого чекисты преследовали, как зайца. Но Ирина утверждает, что это ее гестаповцы пытали: она, мол, никого не выдала... А другие говорят, что на самом-то деле Ирина, по заданию Смерша, вела слежку за неудобными Стталину антифашистами, выдавала их гестаповцам!

Лев Николаевич закурил, угрюмо буркнул: — Кровавый водевиль, черт побери... Но теперь-то она уже старуха, вернулась бы в СССР, на заслуженный отдых?

— Нет, родной мой, такие люди не любят "покоя"... Она еще полна энергии, мечтает прославиться, сама шутит: "советские обязаны признать мои подвиги, пусть дадут хоть орден Красной п..." Она любит крепкие выражения, не дура выпить, прихвастнуть. Дочь ее — хочет вернуться в Россию, но мать не пускает: "Еще не вечер! Пусть сначала поставят фильм "Подвиг разведчицы", издадут роман, а потом видно будет..."

— А "роман" ее ты читала?

— Нет, книга еще не написана. Только отдельные фрагменты она показывала моей покойной маме, советовалась... Дело в том, что у Ирины Васильевны часто меняется "концепция": в зависимости от политической конъюнктуры. Раньше она с симпатией писала о Троцком, Кривицком, Райсе. А теперь вот прониклась "идеями" Нины Андреевой, хвалится, что сознательно уничтожала "жидов-русофобов"...

Гости не заставили себя долго ждать... Лев Николаевич пригласил Коршунову с дочерью в кабинет. Старуха сразу же взяла быка за рога: — Слышал, профессор, новость? Свободный рынок в России открывают! Реформа!

— Это, Ирина Васильевна, еще только слова, пять лет...

— Ну, слово не воробей! Я тоже думаю, что рано радоваться-то. А дочь моя сразу загорелась: "В Москву, в Москву!" Она же в эмиграции выросла, социализма не понимает. Мещане тут одни: "рожденный ползать — летать не может!"

Дочь побледнела, робко встала: — Мне, мама, уже шестой десяток пошел, слава Богу. Кое-что понимаю в жизни...

Ирина Васильевна с ненавистью посмотрела на строптивую "дурочку": — А я милая, ровесница Революции! Поняла?!

— Которой? — поинтересовался профессор.

— Великой французской! — буркнула дочь.

— Пошла прочь! — взвизгнула старуха. — Иди с детишками играть, недоросль!

Рева Михайловна грузно поднялась: — В самом деле, пойду на детей посмотрю, это интересней шпионских историй.

Когда она вышла, Лев Николаевич укоризненно покачал головой: — Дочь ваша уже в летах, пусть сама решает...

— Нельзя ей в СССР! Не позволю! Она испортит мне всю биографию! Ляпнет что-нибудь журналистам: там же при "гласности" можно вприсак попасть... А я — не хочу продешевить! Пусть сполна рассчитаются с разведчиками, заплатят за всех "ликвидированных"!

— Но это же, Ирина Васильевна, "мертвые души"... Коробочка у Чичикова тоже требовала "справедливой платы" за покойничков...

Старуха возмутилась: — Да как ты смеешь, генеральский сыночек! Я — из народа вышла, для социализма старалась! Чичиков — буржуй, жулик. Тогда не было справедливости, угнетали народ, помнишь: "Он был титулярный советник, она — генеральская дочь..." А я — дочь батрака. Комсомолочкой участвовала в раскулачивании. Пусть теперь заплатят.

Лев Николаевич прошелся по кабинету, стараясь скрыть улыбку: — Но времена же переменялись, госпожа Коршунова. Сталинщину осудили официально...

— Но Ленин и теперь живее всех живых! — не сдавалась старуха. — Поэт верно сказал: "Мы диалектику учили не по Гоголю! С Лениным в башке, с наганом в руке!" Наган — полезнее Гоголя!

— Гегель, а не Гоголь, тетя Ира...

— Плевать, что за разница! Гоголь-моголь получился — пусть Партия заплатит за мокрую работу: ради Ленина убивали! Коммунизм не строят в белых перчаточках — так Партия учила! Это даже аристократы признавали, помогая нам. Дочь Гучкова — всей душой полюбила Ежова, истинно русского наркома! Да, того самого Гучкова, что Николашку заставил отречься от престола! Одно за одним так и шло... Отец мой еще в 1905-м жандармов убивал по приказу Ленина. А кто теперь заплатит? Раз ввели свободный рынок, то и платить надо твердой валютой. Сколько, например, заплатили за покушение на Папу Римского или на Кеннеди, Рэйгена? Ну, ты же профессор, должен знать!

— Я не в курсе дела, тетя Ира. Плата может быть и символической: звезду Героя дадут, как Меркадеру за Троцкого.

— Звезду ихнюю — в п..., прости за выражение. Сколько там чистого золота? Кот наплакал! Коминтерновцы только за "спасибо" шпионили, на то они и западные романтики. А нас, несчастных советских разведчиков, теперь все дерьмом поливают. Значит — двойная плата за вредность для здоровья!

— Но надо учесть, Ирина Васильевна, что пользы-то для страны очень мало. Наворовать секретов на Западе можно сколько угодно, а использовать не умеют. Пока запустят в промышленность — на Западе уже новое изобретут. Система у нас такая, что не в коня корм...

Старуха замахала руками: — А это уж, милый, не моя вина! Мы — винтики. Скажут "убей" — убьем. "Укради" — пожалуйста. А как там "механизм" в Центре работает — с Партии спрашивай. Они Ленина изучали, им виднее... Рынок есть рынок: Ленин же НЭП вводил! Жульничества — не потерплю! Пусть честно заплатят за всю мою работу! В горле пересохло.

Лев Николаевич налил ей и себе водочки: — За свободный рынок, тетя Ира! Только не забывайте, что они привыкли "расплачиваться" пулей в затылок — так оно дешевле...

— Потому я, милый, и не возвращаюсь в СССР! И дочь не пущу. Она же на Западе выросла: тут наших тонкостей советских не понимают... Хочу вот роман написать. Поможешь, а? Заплачу!

— Да я же не писатель. Посоветовать могу, если угодно, как историк. Постарайтесь писать просто, все как было, не придумывая никаких "концепций", "философий". Люди сами разберутся, что к чему...

Старуха поднялась, презрительно фыркнула: — Голые "фактики" давать?! Нет! Большая правда нужна, Ленинская! Вижу, не договоримся с тобой. Эх, молодо-зелено, прощай!

— Дочь свою не обижайте...

Когда незваные гости ушли, жена перекрестилась: — Рева Михайловна просит у тебя прощения, что не успела предупредить: мать-то ее психически больная... Дочь — психиатр.

— Вот и поместила бы старуху в психбольницу! Зачем выпускает из дома?

— Нет, Левушка, в Свободном мире под замком держат только буйных или террористов. А тихое помешательство — вроде бесплатного цирка: хочешь — смотри, участвуй, а не нравится — обойди стороной. Свобода...

Он пожал плечами: — Должна же быть какая-то ответственность? Престарелая дочь тоже, кажется, помешанная...

— Ну, поневоле свихнешься, если десятилетиями выслушивать бред сумасшедшего: все мы уже 73 года живем в такой атмосфере! Помнишь, как Плеханов сравнивал Апрельские тезисы Ленина с бредом гоголевского сумасшедшего? Революция Михайловна говорит, что в детстве и юности относилась к матери с доверием, всерьез. Из-за матери и замуж не вышла: старуха всех ее кавалеров подозревала в шпионаже, боялась, что кто-то охотится за ее "секретами"... В университете увлеклась психологией, как самозащита. Исследует психические отклонения в условиях тоталитарных режимов...

— Все это очень забавно, милая моя, но ведь старуха, небось, строчит доносы на всех? Бывшие разведчики, артисты, обычно так входят в "роль", что вся жизнь их становится "большой игрой", черт побери!

— Да, Рева "успокоила" меня: мамаша выстукивает на машинке доносы западным Органам, но те — не реагируют, ибо знают, что имеют дело с сумасшедшей. А старухе кажется, что она очень ловко втерлась в доверие, "взрывает" Запад изнутри. Для своих нападок Коршунова выбирает наиболее яростных антикоммунистов: старается опорочить их перед западными Органами, называя "советскими шпионами"...

Профессор что-то записал на листке. — Да, интересная тема... Но Ирина Васильевна и с советскими Органами поддерживает контакт? Подрабатывает, небось?

— Нет, здесь ты ошибаешься. Она только делает вид, что жаждет денег. Мечтает лишь о будущей славе — это страшнее любой наркомании! Советские считают ее "ренегаткой", как и всех эмигрантов. Но старуха, несмотря ни на что, "служит Родине", по собственной инициативе: помогает своим Органам давить антикоммунистов. Но в контакт не вступает со своими, чтобы не навести на след "вражеские разведки"... Вот уже 45 лет безвозмездно служит Родине, а ответной люб-

ви — все нет как нет... Поэтому и чувство горькой досады, "сексуальной" неудовлетворенности: "Меня не любишь ты, зато тебя — люблю я!"

Лев Николаевич почесался в затылке: — Ну, относительно старухино "секса" Рева Михайловна пошла на поводу у Фрэйда. Просто многие эмигранты, как и все советские "антисоветские" — не могут оборвать пуповину, связывающую их с советской Родиной. Да, именно с советской, которую они безбожно путают с Христианской Россией! Духовной связи с дореволюционной, нормальной жизнью у них нет: память оборвана большевиками. 73 года обезличенности национальной, религиозной: вместо русских, евреев, украинцев — настрадались "советских людей"...

— Вот и напиши еще одну книгу, — рассмеялась жена. — Надо же чем-то заняться в эмиграции. Видишь, даже от Ирины есть польза: изучай теперь "большую игру" на бывших разведчиках, завербованных твоим отцом...

32

Лев Николаевич долго ворочался с боку на бок, не мог заснуть... Как ни крути, а все сводится к проклятому 17-му! Как получилось, что отец мой изменил Вере и Царю, пошел служить Ленину? Не сохранилось ни одной фотографии отца, я не помню, как он выглядел: его расстреляли, когда я был младенцем... Мама вышла из лагеря дряхлой старухой, вскоре умерла. Я старался запомнить каждое ее слово об отце. Поразила меня такая деталь. В юности отец любил Горького, а потом возненавидел, повторял с издевкой: "Рожденный ползать — летать не может!"

Только в эмиграции я прочел полный текст Воспоминаний Бунина о Чехове, где дан и яркий портрет Горького, совпадающий с поздними "Окаянными днями". Получается, что основоположник соцреализма еще до революции вел "большую игру". С одной стороны, бывший босяк носом учуял революционную смуту, на волне которой можно сделать большой бизнес, призывая на баррикады. Но, с другой стороны, мучали сомнения: если революция не победит, то надо держаться поближе к Толстому, Чехову, Бунину — авось удастся втереться в большую литературу...

Критические замечания в адрес большевиков, захвативших власть, тоже были "игрой": если их свергнут, то надо заручиться симпатиями интеллигенции, меньшевиков, эсэров! Ну, а после того, как Сталин заимел абсолютную власть, Горький всецело отдался ему, хотя и презирал в душе прими-

тивного палача, державшегося на партаппарате и его Органах. Но Партия продолжала эксплуатировать те же самые революционные фразы, которым Горький служил с молодости: "революция, пролетариат, социализм..." Перед "Авторитетом" партаппарата, "строющего коммунизм", Горький ползал в сталинской блевотине, как и Маяковский, Гладков, Демьян Бедный, Фадеев...

"Рожденными ползать" перед партаппаратом оказались именно поклонники революционной фразы. Михаил Булгаков отлично показал, как партаппаратчик Рок высиживал змеиные яйца, в соответствии с их "плановым хозяйством, научностью".

Змеи расплозились по всей России (символ райкомов, обкомов) — и только российский Мороз, словно Георгий Победоносец, поразил ползающих гадов, как это случилось и в 1812, и в 1941...

Лев Николаевич поднялся, зажег свет, будто отпугивая змей... Дай Бог, чтобы 1990-й сломал хребет партаппарату! Хотя, они же бесхребетные, все эти "рожденные ползать", сумеют приспособиться и к "рынку". Победа в Моссовете, в Петербургском Совете, а теперь и в Верховном Совете Российской Федерации, — это первый удар по змеям партаппарата. Демократическая партия не побоялась открыто сказать народу о своем антикоммунизме. Это и есть тот "Мороз" российский, который убьет "рожденных ползать" горьковских краснобаев.

Партаппарат, конечно, не сдастся без боя, опять прибегнет к красивым словам, вновь будет "защищать интересы рабочего класса". Так же делал и Горький, когда в своей "Матери" разжигал "праведный гнев" озверевшей толпы. Ленин назвал эту агитку "нужной книгой"... Но Плеханов трезво заметил, что Горький, как и большевики, лжет, выдавая желаемое за действительное. А желаемой для них, как и теперь, является гражданская война. Вот и будет партаппарат разжигать любой вооруженный конфликт, чтобы пустить в ход танки! Поползут гады...

Лев Николаевич открыл настежь окно... Ну, что день грядущий нам готовит? В Россию надо собираться! Я же в армии служил, есть там друзья, — надо убедить, чтоб в народ не стреляли. Но как вот с малыми детишками ехать? Поется ведь: "эх, кабы не жалко лаптей, убежал бы от жены и детей!". Ладно, утро вечера мудреннее... Надо быстрее издать последнюю книгу, а потом хоть в омут... партаппаратный. Съезд ихний должен стать последним — вот бы и удалось избежать гражданской войны...

”Дело прочно, когда под ним струится кровь.”

Некрасов

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

33

На следующее утро профессор, как обычно, отправился в магазин. Рассматривая полки с детским питанием, он прикидывал в уме: сколько бы надо забрать с собой в Россию, хотя бы на первое время... Вдруг кто-то потянул его за рукав. Оглянувшись, увидел высокого молодого мужчину в темных очках. — Не узнаете меня, Лев Николаич? Богатым быть...

— Патриот? То есть, Патрик? Ну, вот Сергуня и дождался своего отца, наконец-то...

— Нет, я не для этого приехал. Есть более важные дела, профессор. Давайте выйдем на минуточку...

— Ну, ну... Вот рядом скверик, посидим на лавочке... А может, сначала пойдешь на сына взглянуть? Чудесный мальчишка, очень на тебя похож!

— Нет, я не создан для семейной жизни, быта...

— Ага, новый Онегин выискался! А я, ты думаешь, создан для того, чтобы обнюхивать какашки твоего ребенка?

— Отдайте в интернат, или, если угодно, утопите в помойном ведре!

— Мне угодно было бы кастрировать тебя! — профессор схватил его за шиворот — посыпались пуговицы...

Патрик отскочил, оскалился: — Жить надоело?! Я тут не один...

— И дружков твоих перестреляю, как собак! Я при оружии, не сомневайся.

— Не шутите так, Лев Николаич! Я вот хотел проверить: на самом ли деле вы ”антикоммунист”, как пишете... Дело в том, что мы хотели обратиться к вам за помощью. Сами знаете, что предстоит в России... Нам нужны охотничьи ружья, чтобы чекистов ликвидировать! Мы переправим как-нибудь на родину...

Профессор неожиданно рассмеялся: — А я тебя и без ружья ликвидирую, Патриот! Ты же и есть чекистский выbleд-док, всю жизнь провел на даче Коммунара! Я не верю тебе, говнюк. Ты — провокатор.

Патрик поблел, ладонью утер пот. — Не будем драться, старик... Клянусь Богом, я борюсь против коммунистов! Еще Некрасов сказал: ”Дело прочно, когда под ним струится кровь!” Только силой можно освободиться!

— Освободись сначала от трескучих, старых фраз, номенклатурный выкормыш! Когда "струится" кровь, то дело не прочно, а порочно! Бога у тебя нет, если ты ребенка своего бросил.

— Ну, ребенок-то живет на Западе, в безопасности. Все умные люди бегут из России, как с тонущего корабля!

— И ты, в том числе, конечно?

Патрик подбоченился: — Я — создам в эмиграции штаб революции! "Безумству храбрых — поем мы песню!" Даже старенькая Коршунова поддерживает меня!

— Ага, с этого бы и начинал. Старуха давно подыгрывает Феликсам, Коммунарам. Партаппарат идет на провокацию — разжигает новую гражданскую войну — руками таких вот, как ты, "безумно храбрых" Хлестаковых. Ну, а я с женой и детьми возвращаюсь в Россию, домой, чтобы тушить пожар...

— Жене вашей не вернут гражданства, не надейтесь! В СССР ничего не переменялось!

— Обращусь к Ельцину — Президенту России, Гавриилу Попову, Юрию Афанасьеву...

— Они тоже коммунисты, не помогут! А вы ратуете за Христианскую партию... Но что толку? Еще 1000 лет будете молиться вашему Боженьке?! Бороться надо — с оружием в руках! Жалею, что посвятил вас в наши секреты: теперь вы опасны — слишком много знаете...

Профессор ухмыльнулся: — А ты, "революционер", слишком мало знаешь. Все это — уже было, во времена Нечаева. Банда подпольная убила Иванова, который "слишком много знал" о них! Почитай "Бесов", а мне пора — дети есть хотят...

34

Лев Николаевич пересказал жене весь этот разговор с Патриком. Она испугалась не на шутку: — Господи, ну зачем ты откровенничал с бандитом?! Они убьют нас всех, и детей не пожалеют! Надо заявить в полицию! Слышишь?

— Нет, я не доносчик. Коршунова и без нас это сделает: "большая игра" идет! А помирать — все равно когда-нибудь надо...

— Дурак! О детях думать надо! Все вы, мужики, помешались на политике...

Профессор ушел к себе в кабинет, раскурил трубку... Мда-с, что день грядущий готовит России? Если гады партаппаратные спровоцируют пожар, то весь Мир сгорит, вместе с Россией... Помогите нам, Господи, спаси и помилуй...

Нигилизм чернышевско-некрасовского "Дела" со струя-

щейся кровью, да горьковско-босяцкое безумство "храбрых", да воинствующий атеизм советских "Патриотов" — вот коктейль Молотова-Риббентропа, используемый партаппаратом для поджега России...

"Человеки с ружьем" всегда умели только душить живую душу общества, поэтому из ихней "перестройки" ничего не получилось. Пока не признаются, что Октябрь был преступлением, — "гласность" бесплодна! Духовное возрождение нужно России, а не "экономическая" война против свободной Литвы. Сталин тоже душил Украину голодом, прикрываясь "социализмом!"

Жена заглянула в кабинет, тихо окликнула: — Левушка, не кричи так, детей разбудить. У тебя как в "Черном монахе" — разговор с призраком, вслух...

Профессор сконфузился, стараясь заслонить бутылку водки: — Прости, женуленька... Но ты сама заразила меня страхом! Чего бояться сопливого Патриота, "антикоммуниста" советского?!

Она обняла мужа, усадила на диван: — Не пей больше, ладно? Умоляю тебя — пиши книгу, какую хочешь. Это единственное спасение на чужбине. Даже Солженицыну они еще не вернули гражданства, а на что ж мне надеяться? Патриот сопливый прав: ничего еще не переменялось. Но это не значит, что надо хвататься за оружие. Патриот — подонок, отрекся от ребенка — прикрывается лишь "антикоммунизмом". Мне вот недавно из ГДР звонил точно такой же "ученый" подонок: собирается реабилитировать мою покойную маму...

— Почему ты мне сразу не рассказала!

— Не хотела волновать. "Ученому" не нравится, что в честь моей мамы посажено дерево в Израиле, как и всем, кто боролся против Гитлера. Мама не была еврейкой, но считала антисемитизм самой страшной болезнью, хуже рака и сифилиса, ибо расизм разъедает душу Божескую. А "ученый" из ГДР, вчерашний коммунист и сегодняшний "демсоциалист", с иронией говорит мне: "Да, евреи любят сажать деревья, выгодно..." Я не удержалась: — "А коммунисты любят сажать людей — и выгодно продавать их!"

— Да, и я не верю в "перестройку" бывших немецких коммунистов. И теперь тоже будут делать бизнес на погибших антифашистах! Почему же они столько десятилетий молчали о твоей матери, сидевшей в советском лагере, бежавшей в эмиграцию? Антифашисты им нужны только "свои", чтоб прославлять социалистические "Идеалы", будь они прокляты!

Жена потушила свет: — Хватит, отдохни. Ты опять завелся на всю ночь. Дело ведь не в политике, а просто в том, что пло-

хой человек остается плохим, каким бы ни прикрывался идеологическим знаменем, фразами...

— И я плохой? — вздохнул Лев Николаевич. — Выпиваю, говорю вслух, редко исполняю супружеские обязанности... Кстати, возле нашего дома третий день стоит ГДР-овская машина! Наверное, меня подслушивают эти друзья советского Патриота?

— Ах, это к соседям приехали родственники из ГДР, а тебе всюду чекисты мерещатся. Пить не надо! Пожалел бы меня...

— Клянусь, завтра начну новую жизнь — и новую книгу! Я люблю тебя...

Она прижалась к нему, шепнула на ухо: — "Завтра, завтра, только не сегодня", как говорят идеологи... Ну, отвлекись малость от политики и человечества, Бог с ними... Большой мой ребенок, огненный...

35

... Потом она покормила детей, вернулась к мужу. Он уже сидел за письменным столом, раскуривал трубку. — Вот, обдумываю план книги, набросал на черновике...

— Лучше поспал бы немного, а?

— Нет, уж скоро утро. Схожу в магазин — тогда и вздремну... Очень хотелось бы написать книгу о трагедии моих родителей. Знаешь, у них была любовь-ненависть: мама любила в отце то, что осталось в нем от прежней России. Умоляла отца, чтоб ушел из разведки. Не понимала, что "уйти" от них можно только на тот свет... Отец обещал: разобьем немцев, отомстим за 1914-й, когда я попал к ним в плен, тогда и уйду... Вместе с Тухачевским отец полагал, что Гитлера можно было разбить легко к 37-му, в союзе с Западом. Но Партия придерживалась ленинской концепции: использовать противоречия между "капиталистами", руками Гитлера уничтожить Запад. Считалось, что Гитлер — это "ледокол Революции", наш союзник, социально близкий...

— Верно, Левушка, они как близнецы!

— Но отец думал о России. Испания представлялась ему "вторым фронтом". Там у него, кажется, был роман с 18-летней аристократочкой испанской: она перебежала к нам, назвалась "Паулиной", в честь Павлика Морозова... Мама моя тогда кормила меня грудью, а когда узнала о "романчике" отца, то хотела застрелиться... Отец оправдывался: должен был, дескать, разыграть любовь с испаночкой, такова уж работа разведчика...

— А как было на самом деле?

— Один Бог знает, милая... Но когда отца забрали, то следователи приписали ему "измену Родине": через испаночку, мол, передавал наши секреты генералу Франко! А "доказательством" была любовная связь... Маме на следствии они подробно рассказывали о супружеской измене "врага народа", пособника Тухачевского, английского шпиона... Маме угрожали, что никогда не увидит своего ребенка, если не подпишет... Кажется, что она что-то подписала им. Они умели ломать людей. Даже Яна Берзина, шефа военной разведки, заставили "расколоться", довели до сумасшествия, потом "пустили на фарш"...

— Это, Левушка, уже все знают...

— Да, но не знают, что дети и правнуки несут в себе "гены" Октября, самоуничтожения... Фанатизм передался нам, пусть и с обратным знаком. Советский Патриот, став "антикоммунистом", готов пролить кровь, звать к Топору, как и Ленин, воспитанный на чернышевско-некрасовской непримиримости. Надо оборвать, наконец, эту дурную преемственность бесовщины "Добролюбовых"...

— Пришлось бы, Левушка, пересмотреть всю историю, переосмыслить само понятие "Революции", как двигателя "прогресса"...

— Давно пора! Ради красивой "идеи" Герцен побоялся облачить Нечаева, хотя и презирал таких революционеров. Некрасов тоже кривил душой, когда воспевал Добролюбова, Чернышевского. Но слишком сильна была тирания "прогрессивных идей" Белинского, Радищева, Пестеля. Даже аристократы увлекались Наполеоном, не говоря уж о Раскольниковых, Верховенских... От пугачевщины пошли наши революционные народники, хрен редьки не слаще. В плену у Михайловского оказался Глеб Успенский, Короленко, целое поколение "Ивановых", описанных Чеховым. Столыпин понимал.

— Но Маркс поддержал идею о социалистических корнях в крестьянской общине, подтолкнул нас к колхозам! "Лгачевщина" и сегодня сильна...

— Да, родная моя, вся бесовщина в сборе. Правда, Плеханов скрыл это письмо Маркса, боялся оказаться "ревизионистом". Тирания "передовых идей" душила свободную мысль еще задолго до Октября. Ну, а потом уж и все "прогрессивное человечество" оказалось на их стороне, по сей день! Коммунисты "перестроились" теперь в социалистов: тех же щей да пожиже влей! Тот же тупик...

— Не горюй, Левушка, Россия опомнилась, кажется. Травкин недавно очень трезво говорил, умница.

— Да, Травкин понимает, что партаппарат без боя не усту-

пит! Помнишь, как они 3 года травили, топили Ельцина?

— Но теперь он победил. А мы кофейку напьемся, ладно? Все будет хорошо, успокойся...

Лев Николаевич выпил две чашки кофе, спать не хотелось. Послушали радио. Жена помрачнела: — Зачем же детей-то взрывают бомбами? Кому надо запугивать людей в Праге?

— Пока наши войска не ушли из Восточной Европы — бывшие чекисты, партработники постараются вернуться к власти. Около миллиона этих "бывших" коммунистических гнид теперь оказалось без работы. Вот и занимаются террором, проникают на Запад — сейчас это легко. Что им еще делать?

— Ну, тоже несчастные люди: жизнь-то прошла даром, бо-ются судебных процессов. Бывшие преподаватели марксизма-ленинизма не пойдут на "черную" работу, а мозги их уже не перестроятся никогда.

— Да, милая моя, их только могила исправит. В нашей армии они и дальше видят "спасителей". Вот и получается, что КПСС использует армию для торможения Реформ в Восточной Европе!

— Так же всегда было, Левушка.

— Но теперь это особенно мерзкая, б... игра Партии! КПСС навязала Западу роль защитника "перестройки" в СССР, хотя Реформы еще и не начинались. Запад не может понять, что пока коммунисты у власти — не будет никаких серьезных перемен! Вон и в Копенгагене, на Хельсинкской говорильне, — все подчиняются диктату КПСС. Прибалтийские республики Западом так и не признаны — якобы во имя спасения "перестройки" в СССР. Смех и грех: Запад помогает душителям Реформ в Прибалтике.

— Да, литовцы хорошо сказали: если бы Запад испытал коммунизм на своей шкуре, то не позволил бы обдурить себя в очередной раз!

— Конечно, родная, поэтому эмигранты не должны молчать. Не вилять хвостом! Запад поверил и в ленинский НЭП, хотя вся власть оставалась у Партии, как теперь!

— Успокойся, Лева. Ты же сам говорил, что у дома стоит машина и подслушивает. Зачем же ты ораторствуешь? Нравится роль самоубийцы? Запад не станет из-за тебя портить отношений с СССР. Тебя не поймут...

— Плевать. Пойду в магазин, прогуляюсь!

— Никуда тебя не пущу! Магазины еще закрыты, посмотри на часы. Ты как в лихорадке. Ложись, помолчи... Я вот што-

ры задвину, хорошо? Не выходи сегодня на улицу. В таком состоянии ты или ногу подвернешь, или купишь чего не надо! Я вот дам тебе аспиричку, авось поможет. Ты не горюй, эмигранты уже 70 лет ждут перемен в России, не ты первый сходишь с ума на чужбине. Детишки вот подрастут, прочтут твои книги...

37

Лев Николаевич закрыл глаза... Да, сам себя загнал в золотую клетку эмиграции! Вернее, в комфортабельную могилу первого класса: уютно, сытно, а жизни нет... Ленин знал, что делал, когда в 22-м выгнал в эмиграцию русских философов, университетских преподавателей, экономистов, писателей. И тогда Запад счел это актом "милосердия", признаком "перестройки". И волки сыты, и овцы целы: Запад дал Ленину миллиарды для НЭПа, а чекисты избавились от "инакомыслящих", не запачкав руки в крови. "Б... игра" лысого сифилитика!

А теперь все радуются, как дети: вот, спустя 70 лет, книги возвращаются в Россию! Рукописи, дескать, не горят, сплошной праздник... А мне кажется, что это похоронный марш, сыгранный с опозданием на несколько поколений. "Внукам" уже умирать пора, а их дедов и прадедов только собираются отпевать на родине...

Что толку писать книгу, если ее не прочтут современники, понимающие тебя с полуслова? Я не хочу писать для своих правнуков, через 70 лет у них будут совсем другие заботы и печали. Хотя, конечно, если красный фашизм продержится в России еще 100 лет, то и для правнуков мои болячки покажутся "современными". Не дай Бог!

Врут "умники", будто книги не стареют: дескать, проблемы жизни, смерти, любви — вечны и нетленны... Нет, каждое поколение по-своему живет и умирает, неповторимо любит. Одна любовь у Анны к Вронскому, а совсем другая у Маргариты к Мастеру! Если бы романы Толстого вышли в свет лишь спустя 70 лет, то грош им цена: они важны тем, что помогали современникам сохранить душу, а значит — Христианскую Россию донести до нас.

А если мы не сумеем "спустить на тормозах" КПСС, возродить Христианскую Россию, то черт бы нас побрал, вместе с нашими книгами! Нет, надо вылезать из золотой эмигрантской клетки, надоело! Да и зачем мне нянчить чужих детей?

Он поднялся с дивана, тихо оделся, чтоб жена не услышала... Ноги дрожали, а голова горела, будто с перепоя.

Тихохонько выскользнул из квартиры... Уф, теперь вот отдышаться — и на самолет! Да, трагические "Прилеты и отлеты", как писал Игорь Золотусский в "Московских новостях". Правящая КПСС на 6-й год "перестройки" не удосужилась вернуть гражданства эмигрантским писателям. Вернее сказать: всеми силами стараются помешать их возвращению на родину! За это одно КПСС должна предстать перед судом. Надо создать Общественный Трибунал — и судить преступников, как в Нюрнберге. Ведь нормальная страна в конце 20-го века не лишает людей гражданства, не гонит на вечное поселение в чужие края! Каждый гражданин имеет право выехать и вернуться на родину, не испрашивая разрешения у чиновников. В Европе даже визу не надо получать — купил билет и распоряжайся своей жизнью, как хочешь!

Зачем же КПСС болтает об Общеввропейском Доме? Блядская игра, которую пора кончать! Партия, как и прежде, занимается труположеством: теперь вот объясняются в любви к останкам Федора Раскольниковова, труп которого решили перетащить из Франции в СССР, на Старую площадь. Очередная показуха: возвращаемся, мол, к ленинским нормам, когда Раскольников был любимцем Партии. Наверное, в то "святое, революционное" времячко Раскольников со своими матросами загубил не одну тысячу россиян... Это хотите воспеть?

Ладно, собирайте свои революционные трупы, но дайте вздохнуть и живым людям, черт побери! Кстати, как хорошо было бы, если б ваша Партия состояла из одних только почтенных покойников, которых вы сами же и замордовали. Изберите себе Политбюро и Генсека из числа реабилитированных мертвецов, закажите восковые фигуры Ленина, Бухарина, Кирова, Раскольниковова, Тухачевского, Рыкова... Пусть сидят себе под стеклом, заседают, руководят, как могут, мы не возражаем. Лишь бы живые коммунисты исчезли с горизонта, ушли бы на "Скотский хутор" Орвэлла, занялись бы производством свинины, наконец.

Лев Николаевич и сам не заметил, как оказался в магазине, около полок с детским питанием... Выходит, совесть я еще не потерял, помнил о детях? Ладно, закуплю продуктов на несколько дней, чтоб потом жене не бегать в магазин, не оставлять малыток одних в квартире... А тем временем я разыщу в Москве начальничков, которые не возвращают жене гражданства — и плюну им в рожу! Приведу с собой иностранных журналистов: пусть видят, какое у наших скотов "новое мышление"!

Профессор загружал тележку продуктами, с трудом передвигая ослабевшие ноги... Хотел бы я спросить у Ленина: за-

чем отнял у "пролетариев" это вот изобилие капиталистическое? Может, и в самом деле, когда он мертвой хваткой держался за власть, то его "гениальные" мозги уже были на последней стадии сифилиса? Академик Павлов сам видел эту зеленую жижицу, извлеченную из ленинского черепа. А Партия по сей день утверждает о "свободном выборе", якобы сделанном всем народом... С большой головы — да на здоровую! Надеюсь, что Анатолий Собчак со временем очистит Санкт-Петербург от броневика с фигуркой сумасшедшего карлика? Из мухи сделали слона, водрузили на пьедестал...

Лев Николаевич расплатился за продукты, стал их раскладывать по сумкам... О, Господи, как же я все это дотащу теперь? Ладно, как писал Маяковский: "шаг за шагом — и дойдем до точки..." Конечно, поэту было легче, за ним стояла Партия, как "рука миллионнопалая, сжатая в один громящий кулак". Громить они умеют, только вот накормить не могут. А я — принесу детишкам и жене гостинцев, а потом уж на самолет... Надо спешить: вот-вот начнется их Съезд! Последний, надеюсь? Успеть бы, собрать все силы — и ударить по пустой голове, чтоб раскололась на две половинки...

... Неспеша переходил улицу, когда вдруг, на бешеной скорости, налетел на него громадный мотоцикл. Черный силуэт лишь на миг оглянулся, довольный, и умчался в даль, орел степной... Лев Николаевич рухнул на асфальт. Белые сумочки разлетелись, точно голуби мира... Баночки с детским питанием жалобно звякнули, созывая прохожих...

Лев Николаевич лежал ничком в луже крови, с трудом прошептал синими губами: "... когда под ним струится кровь..." Накрапывал дождик, прохожие молча сняли шляпы... Потом кто-то укоризненно заметил: — Ах, эти иностранцы...

КНИГИ Д.А. АНТОНОВА:

ISBN

Издательство Чеховград

- 3-926492-02-3 ЧЕХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ — повесть о судьбах российской интеллигенции, 1981.
3-926492-03-1 ВОССТАНИЕ Пастернака, Высоцкого, Галича.
3-926492-04-X ЗАПАДНЯ — о шовинизме, национализме.
3-926492-05-8 БЕДНЫЕ ЛЮДИ — о восприятии Достоевского, Тютчева, А.К.Толстого.
3-926492-06-6 ВОЛЯ — повесть о Соппротивлении.
3-926492-07-4 ЛИБЕРТИ — английское издание "ВОЛИ".
3-926492-08-2 ПОЧЕМУ ... — немецкий перевод "ВОЛИ".
3-926492-09-0 1 9 8 8 — о восприятии Бунина, Булгакова.
3-926492-10-4 ДЕНЬ победы — повесть о военном разведчике.
3-926492-11-2 ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО — о сталинщине.
3-926492-12-0 В БАДЕНВАЙЛЕР с того света — о славистике.
3-926492-13-9 ЧЕХОВГРАД — о Чеховском симпозиуме.
3-926492-14-7 СЕГОДНЯ — повесть о Катастрофе.
3-926492-15-5 ВОЗВРАЩЕНИЕ — о Вере, фанатизме, культуре.
3-926492-18-X АГЕНТЫ И ПЕРЕСТРОЙКА — повесть.
3-926492-20-1 ПАМЯТЬ — о язычниках и Православии.
3-926492-21-X НАДЕЖДА — повесть о гласности.
3-926492-22-8 ИЗМЯТИНА — о разведке, идеологии.
3-926492-23-6 ЗАВЕЩАНИЕ: последний съезд. 1990.

3-926492-00-7 Э.Бройде. ЧЕХОВ. Монография. 1980.

3-926492-01-5 Э.Бройде — К проблематике Чеховских университетов. Статьи, автореферат диссертации.

Книги можно заказывать во всех книжных магазинах и по адресу:

Dr. Broide · Rückmühlenweg 2 · D-6483 Bad Soden-Salmünster
West Germany